

(НОВЫЕ)

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ БІОГРАФІИ Т. Г. ШЕВЧЕНКА.

«Память о нашем народномъ поэтѣ должна быть для насъ святыней. Чтить эту память—священный долгъ каждого, кто дорожитъ своею національною честію, своимъ достоинствомъ, своимъ добрымъ именемъ». Д'Израэли.

Безпечность и равнодушіе предшествовавшихъ намъ поколѣній къ памяти замѣчательныхъ людей своего времени были причиною того грустнаго явленія, что многіе изъ нашихъ общественныхъ дѣятелей минувшихъ столѣтій, оставивъ по себѣ громкое имя передовыхъ личностей, остаются для насъ—потомковъ весьма мало извѣстными въ—отношеніи ихъ частной жизни, воспитанія, привычекъ, наклонностей, словомъ всего того, изъ чего можно бы было составить ясное понятіе о характерѣ лица, о его нравственной физіономіи. Не касаясь немногихъ дѣятелей политическихъ, о которыхъ болѣе или менѣе подробно говоритъ исторія,—многое ли мы знаемъ о жизни нашихъ писателей, не говорю предшествовавшихъ вѣковъ, а хоть бы самаго близкаго къ намъ времени? Давно ли начали появляться въ печати краткія монографіи, имѣющія цѣлю уяснить характеръ литературныхъ дѣятелей? По небрежности и равнодушію современниковъ, по неразвитости нашего общества, поэты, ученые, художники и, вообще, люди, трудившіеся втихомолку и двигавшіе впередъ общество, остались почти незамѣченными. «Но пора перестать смотрѣть на этотъ классъ людей, какъ на безілезныхъ членовъ нашего дѣловаго поколѣнія: въ мірѣ существуетъ не одна матеріальная дѣятельность, и чѣмъ рѣже встрѣчается дѣятельность уметвенная, тѣмъ она должна быть для насъ дороже». (*)

(*) Исторія литературнаго гениа, д' Израэли.

Такими побужденіями руководствовался я, приступая къ изданію въ свѣтъ немногихъ матеріаловъ для біографіи покойнаго нашего поэта Тараса Григорьевича Шевченка. Онъ безспорно принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ дѣятелей послѣдняго времени.

Пока свѣжо еще воспоминаніе о дорогомъ намъ Кобзарѣ въ памяти людей, которые сталкивались съ нимъ въ разные періоды его жизни, нужно спѣшить сохранить малѣйшія черты изъ жизни самобытнаго народнаго поэта.

Жизнь такого человѣка, какъ Шевченко, имѣетъ великое значеніе для будущихъ поколѣній. Явленіе Шевченка не случайность: съ нимъ соединяется судьба цѣлыхъ милліоновъ народа; въ немъ какъ въ фокусѣ соединились духовныя силы всего крѣпостнаго люда; онъ выросъ изъ родной почвы, облитой потомъ и кровію нашего кормильца—крестьянина... Въ лицѣ поэта народъ наконецъ созналъ свое безотрадное положеніе и выслалъ его на арену просвѣщеннаго міра, въ средѣ цивилизованнаго сословія—повѣдать свѣту задушевные свои думы, тяготившія его втеченіе долгихъ лѣтъ. «Муза Шевченка, по словамъ Костомарова, «разодрала завѣсу народной жизни.» Жизнію своею, столько же сколько и поэзією, онъ заявилъ передъ судомъ образованнаго сословія вопіющую неправду крѣпостнаго права, разъяснилъ темныя преданія старины, осмыслилъ для насъ народную поэзію, народный бытъ, создалъ типы народнаго характера.

«Моя собственная судьба,» говоритъ самъ поэтъ, представленная въ истинномъ свѣтѣ, могла бы навести не только простолюдина, но и тѣхъ, у кого простолюдинъ находится въ полной зависимости, на размышленія глубокія и полезныя для обѣихъ сторонъ... Исторія моей жизни составляетъ часть исторіи моей родины.» (Изъ письма къ редактору «Народнаго чтенія».)

Поспѣшимъ же оказать свое посильное содѣйствіе будущему біографу Шевченка и поможемъ, по собраннымъ нами матеріаламъ, возсоздать во всей полнотѣ замѣчательную жизнь нашего народнаго поэта, котораго смерть знаменательно совпала съ великимъ событіемъ освобожденія его братьевъ—крестьянъ.

Въ настоящее время въ рукахъ моихъ находится переписка покойнаго поэта съ названнымъ братомъ его, В. Г. Шевченкомъ и

нѣсколько замѣчательныхъ фактовъ изъ жизни поэта, сообщенныхъ мнѣ щиримъ его пріателемъ, И. М. Сошенкомъ. Думаю, что и мой краткія, отрывочныя замѣтки будутъ имѣть значеніе для біографіи Шевченка. Начнемъ съ этихъ замѣтокъ.

I.

Въ извѣстномъ письмѣ своемъ къ редактору «Народнаго Чтенія» поэтъ нашъ, въ первый разъ въ жизни, рѣшился «обнаружить передъ свѣтомъ нѣсколько печальныхъ фактовъ своего существованія»: онъ «не имѣлъ духу входить во все подробности своей жизни»; при воспоминаніи его о своемъ прошедшемъ, у него «коснѣла рука и сжималось сердце». Эта задушевная исповѣдь, въ которой прочувствовано каждое слово, производитъ на душу всякаго, кто не истлѣлъ внутренно, глубокое, потрясающее дѣйствіе. «Сколько лѣтъ потерянныхъ! сколько цвѣтовъ увядшихъ! И что же въ самомъ-дѣлѣ поэтъ купилъ у судьбы своими усиліями—непогибнуть? Едва ли не одно страшное уразумѣніе своего прошедшаго.» Оно ужасно.

Краткая автобіографія Т. Гр. имѣетъ для насъ болѣе внутреннее, психологическое значеніе; что же касается внѣшней, фактической стороны ея, то въ ней пропущено много весьма интересныхъ подробностей, необходимыхъ для полнаго уразумѣнія симпатической личности поэта. Пробѣлы эти мы, поклонники его великаго таланта, обязаны пополнить, руководствуясь правдивыми разсказами о немъ близкихъ ему людей.

На этотъ разъ я ограничусь по преимуществу свѣдѣніями, сообщенными мнѣ Сошенкомъ, съ которымъ поэтъ, по его собственнымъ словамъ, находился до смерти «въ самыхъ искреннихъ, братскихъ отношеніяхъ». (Сошенко зналъ Тараса въ лучшую пору его поэтической дѣятельности; поэтъ живо еще помнилъ тогда свое дѣтство: въ памяти его были еще слишкомъ свѣжи впечатлѣнія недавняго прошедшаго. Но къ сожалѣнію, Шевченковъ пріятель, у котораго и своего горя было довольно, многое перезабылъ изъ слышаннаго).

Съ самаго ранняго дѣтства жизнь встрѣтила бѣднаго ребенка непривѣтливо, сурово. Матери онъ почти не помнилъ. На седьмомъ году лишился отца и остался на рукахъ мачихи, вмѣстѣ съ двумя сестрами: Яриной и другой—слѣпою. Здѣсь впервые онъ испыталъ много горя. Въ самомъ пѣжномъ возрастѣ лишенный любви и мате-

ринскихъ ласкъ, мальчикъ привыкъ сосредоточиваться въ себѣ самомъ, дичился людей и встрѣчалъ недовѣрчиво всякое привѣтливое обхожденіе съ нимъ родныхъ и сосѣдей. Мачиха, не влюбившая Тараса за его скрытный и упрямый нравъ, чтобы онъ не былъ на глазахъ, поручала ему лѣтомъ пасти телятъ и свиней въ окрестностяхъ Кириловки и Тарасовки. Поля, окружающія эти села, представляютъ несомнѣннѣ ровную мѣстность: степная даль заслоняется высокими могилами, которыхъ вообще довольно много въ Звенигородскомъ уѣздѣ.

Високіи ті могили

Стоять та сумують...

Съ ломтемъ сухаго хлѣба мальчикъ проводилъ цѣлые дни въ полѣ. Любимымъ его мѣстомъ для отдыха въ сильную жару была одна изъ такихъ могилъ. Онъ часто сидѣлъ подъ нею и безсознательно смотрѣлъ вдаль. Извѣстно, какъ эти первыя впечатлѣнія дѣтства отозвались у поэта въ періодъ его зрѣлости, въ его лучшихъ произведеніяхъ:

Кругомъ его степъ, якъ море

Широкѣ, синіе;

За могилою могила,

А тамъ—тільки мріє...

Къ Тарасовкѣ прилегаеть живописный прудъ, поросшій осокою и окаймленный стройными тополями. Проѣзжая съ Сошенкомъ еще въ 1849 году мимо этого пруда, мы невольно вспомнили превосходную балладу про тополию—лиху долю:

По діброві вітеръ віє,

Гуляє по полю;

Край доріги гнє топілю

До самого долу...

и другую балладу «Утоплена», въ которой такъ поразительно хорошо переданъ таинственный разговоръ вѣтра съ осокою:

Прокіинетця, — тихесенько

Въ осокіи питає:

»Хто се, хто се по сімъ бóці

Чѣше кóсу? хто се?

Хто се, хто се по тімъ бóці

Рве на собі кóси?

и т. д.

Очевидно, краски для этихъ стихотвореній заимствованы поэтомъ изъ родной мѣстности.

Сестра Ярина передала намъ одинъ характерный фактъ изъ того же темнаго періода жизни Тарасовой. У квартиранта-солдата украдено два съ полтиною ассигнаціями. Тотъ, разумѣется, надѣлалъ страшнаго шуму, чуть не разогналъ всѣхъ изъ хаты. На кого тутъ взвалить вину? Конечно, на сироту-горемыку. Избѣгая наказанія, по одному лишь подозрѣнію мачихи, мальчикъ ушелъ со двора, и скрылся въ далекомъ огородѣ, въ кустахъ калины. Тамъ онъ просидѣлъ четверо сутокъ. Сестра Ярина, боясь за участь брата, тщательно скрывала отъ домашнихъ его убѣжище и украдкой носила ему ѣсть, причемъ развлекала его разными игрушками. Тарасъ устроилъ себѣ въ кустахъ калины шалашъ, продѣлалъ около него дорожки и усыпалъ ихъ пескомъ; нарисовавъ на деревѣ родъ мишени, онъ упражнялся стрѣльбою въ цѣль изъ бузиновой пѣчки. На пятый день убѣжище Тараса было открыто. Его взяли на допросъ. Главнымъ слѣдователемъ по этому дѣлу былъ родной дядя Тарасовъ, Павло, по словамъ Ярины, «великій кати́га». Истязаніе продолжалось около трехъ дней. Не выдержавъ пытки, мальчикъ, и то по просьбѣ сестры, подъ розгами, сознался наконецъ въ преступленіи, не имъ совершенномъ: деньги, какъ открылось послѣ, укралъ сынъ мачихи, спрятавъ ихъ въ душлѣ старой вербы. Участіе, принимаемое сестрою въ жалкой участи невинно-терпѣвшаго мальчика, ея горячая къ нему привязанность и ея собственная горькая доля, объясняютъ намъ ту страстную любовь, которую питалъ къ ней покойникъ до послѣдней минуты своей жизни. Умирая онъ просилъ друзей своихъ не забывать сестры Ярины.

Къ тому же времени, или быть можетъ немного поздѣйшему, относится путешествіе Тараса съ сестрой на богомолье въ Лебединскій монастырь. Объ этомъ самъ поэтъ рассказывалъ Сошенку, который однажды поинтересовался узнать, съ какого именно времени онъ сталъ думать объ украинской старинѣ? Разсказъ этотъ въ точности подтвердила и сама сестра. Лебединскій мужской монастырь обращенъ теперь въ приходскую церковь; въ двадцатыхъ же годахъ, хотя и считался третьестепеннымъ, но пользовался у народа особеннымъ уваженіемъ, такъ-какъ съ этимъ святымъ мѣстомъ соединялось въ памяти народной преданіе о Коліивщинѣ (1768). Живы были еще въ то время старики, рассказывавшіе объ этомъ событіи, какъ очевидцы. Въ Лебединѣ освятили свои ножи гайдамаки. Былъ и между монахами ста-

рець, весьма словоохотливый, рассказывавшій богомольцамъ кровавую повѣсть о томъ, какъ гайдаки покарали своихъ притѣснителей. Въ толпѣ богомольцевъ, окружавшихъ разказчика, никто не замѣтилъ тогда босоногого хлопчика, съ жадностію пожиравшаго слова монаха. По сознанію самого поэта, съ этого именно времени заронилась въ его душу идея будущихъ «Гайдамакъ.»

Давно те минуло, якъ малá дитина,
Сиротá въ рядніні, я колись блукáвъ,
Безъ світи, безъ хлѣба, по тій Україні,
Де Залізнякъ, Гонта зъ свяченимъ гулявъ.

Вѣроятно, нелюбовь къ Тарасу злой мачихи, постоянно его гнавшей, ускорила поступленіе его въ школу къ приходскому дьячку, въ «попѣхачи.» Сироту старались сбыть съ рукъ во что бы то ни стало. О пребываніи своемъ у этого пьяницы поэтъ довольно обстоятельно разсказалъ въ своей автобіографіи. Къ этому разсказу можно только прибавить то, что дьячекъ часто морилъ его голодомъ. Слѣпая сестра Тараса припрятывала за обѣдомъ кусочекъ хлѣба и положить на условленномъ мѣстѣ въ саду. Улучивъ свободную минуту, мальчикъ по-за плетнями прокрадывался въ садъ и, схвативъ хлѣбъ, убѣгалъ въ школу, боясь попасться на глаза лютѣй мачихѣ.

Говоря о переходѣ своемъ отъ одного учителя къ другому, Тарасъ не упомянулъ еще объ одномъ маларѣ въ с. Стеблевѣ (Каневского уѣзда), куда онъ ходилъ, кажется, изъ Лисянки:

Ходивъ я та плакавъ, та людей шукавъ,
Щобъ добру навчили.....

А потомъ уже пришелъ въ Тарасовку. Послѣ строгаго приговора дьячка-хиромантика, который нашелъ его ни къ чему негоднымъ, ни даже «къ *шѣвству*, ни *бондарству*,» скрѣпя сердце, мальчикъ возвратился въ родное село, къ брату своему Микитѣ и сталъ помогать ему въ хозяйствѣ, едва не сдѣлавшись пастухомъ ex professo, въ чемъ онъ находилъ какую-то прелесть. Но судьба готовила ему другое поприще.

«Помѣщику, только-что наслѣдовавшему достояніе отца своего, понадобился мальчикъ, и оборванный школяръ-бродяга попалъ прямо въ тиковую куртку комнатнаго козачка». По разсказамъ Сошенка, Тарасъ отъ брата не прямо попалъ въ козачки. Дѣло было не такъ. Новому барину потребовались разнаго рода дворовые, которыхъ онъ,

рецъ, весьма словоохотливый, рассказывавшій богомольцамъ кровавую повесть о томъ, какъ гайдамаки покарали своихъ притѣснителей. Въ толпѣ богомольцевъ, окружавшихъ разказчика, никто не замѣтилъ тогда босоногого хлопчика, съ жадностію пожиравшаго слова монаха. По сознанію самого поэта, съ этого именно времени заронилась въ его душу идея будущихъ «Гайдамакъ.»

Давно те минуло, якъ малá дитина,
Сиротá въ рядніні, я колись блукáвъ,
Безъ світи, безъ хлѣба, по тій Україні,
Де Залізнякъ, Гонта зъ свяченимъ гулявъ.

Вѣроятно, нелюбовь къ Тарасу злой мачихи, постоянно его гнавшей, ускорила поступленіе его въ школу къ приходскому дьячку, въ «попѣхачи.» Сироту старались сбыть съ рукъ во чтó бы то ни стало. О пребываніи своемъ у этого пьяницы поэтъ довольно обстоятельно разказалъ въ своей автобіографіи. Къ этому разказу можно только прибавить то, что дьячекъ часто морилъ его голодомъ. Слѣпая сестра Тараса припрятывала за обѣдомъ кусочекъ хлѣба и положить на условленномъ мѣстѣ въ саду. Улучивъ свободную минуту, мальчикъ по-за плетнями прокрадывался въ садъ и, схвативъ хлѣбъ, убѣгалъ въ школу, боясь попасться на глаза лютой мачихѣ.

Говоря о переходѣ своемъ отъ одного учителя къ другому, Тарасъ не упомянулъ еще объ одномъ малярѣ въ с. Стеблевѣ (Каневского уѣзда), куда онъ ходилъ, кажется, изъ Лисянки:

Ходивъ я та плакавъ, та людей шукáвъ,
Щобъ добру навчили.....

А потомъ уже пришелъ въ Тарасовку. Послѣ строгаго приговора дьячка—хиромантика, который нашелъ его ни къ чему негоднымъ, ни даже «къ шѣвству, ни бондарству,» скрѣпя сердце, мальчикъ возвратился въ родное село, къ брату своему Микитѣ и сталъ помогать ему въ хозяйствѣ, едва не сдѣлавшись пастухомъ ex professo, въ чемъ онъ находилъ какую-то прелесть. Но судьба готовила ему другое поприще.

«Помѣщику, только-что наслѣдовавшему достояніе отца своего, понадобился мальчикъ, и оборванный школяръ-бродяга попалъ прямо въ тиковую куртку комнатнаго козачка». По разказамъ Сошенка, Тарасъ отъ брата не прямо попалъ въ козачки. Дѣло было не такъ. Новому барину потребовались разнаго рода дворовые, которыхъ онъ,

какъ истый аристократъ, желалъ имѣть спеціально приготовленными къ разнымъ надворнымъ должностямъ: кучера, форейтора, повара, лакея, конторщика, комнатнаго живописца (*) и т. п. Главному управляющему К...му было предписано набрать изъ крестьянскихъ дѣтей около дюжины мальчиковъ, годныхъ къ упомянутымъ должностямъ и представить ихъ въ Варшаву (по разсказамъ другихъ въ Вильно). И вотъ, по одному почерку пера, были взяты у родителей дѣти (не все же они были сироты, подобно Тарасу) и приведены въ центральное имѣніе помѣщика, въ мѣстечко Ольшану. Въ видѣ опыта, до отправления къ барину, ихъ распредѣлили при господскомъ дворѣ по разнымъ должностямъ. Нашъ Тарасъ попалъ въ поваренки, подъ команду главнаго повара-артиста: сталъ чистить кострюли, носить на кухню дрова, выливалъ помои, и проч. Въ такихъ непедагогическихъ занятіяхъ, конечно, онъ не могъ найти ничего сроднаго съ своими природными влеченіями; а между тѣмъ страсть къ картинкамъ и книжкамъ не покидала мальчика ни на минуту. При всякомъ удобномъ случаѣ, онъ пріобрѣталъ за первый попавшійся грошъ какое-нибудь произведеніе суздальской школы у бродячаго коробейника, а если было не-за-что купить, то, изъ любви къ искусству, иногда покушался на воровство. Пріобрѣвъ довольно значительную коллекцію подобныхъ рѣдкостей, онъ прятался съ нею, отъ многочисленной дворни, въ саду. Въ густой чащѣ деревь, подальше отъ дома, онъ устроилъ себѣ родъ галлерей, наклеивъ на деревьяхъ свои картинки. Туда Тарасъ уходилъ пѣть пѣсни, разсматривать и копировать какого-нибудь Соловья-разбойника, или Кутузова. За такія упущенія по службѣ, онъ неоднократно былъ поколачиваемъ поваромъ.

Однажды Тарасу посчастливилось получить цѣлый двугривенный отъ одного забѣзжаго господина за вычищенные сапоги. Когда навѣстилъ его братъ Микита, онъ ему отдалъ весь этотъ благопріобрѣтенный капиталъ на дорогу. На проводахъ его тѣла въ Кіевѣ, Микита со слезами на глазахъ вспоминалъ объ этомъ: »Що то за добра душа була! Я таки ёго бивъ колісь маленькимъ, та й здорово бивъ, а вінъ, покійникъ, оддавъ мені послідне.»

Когда кончилось испытаніе будущихъ дворовыхъ, составленъ былъ списокъ, съ обозначеніемъ качествъ и свойствъ каждаго мальчика: Тарасъ въ этомъ спискѣ былъ записанъ годнымъ «на комнатнаго жи-

(*) Въ то время у русскихъ баръ было въ модѣ расписывать покои *al fresco*.

вописца». Эта перечневая вѣдомость, въ видѣ накладной, какая обыкновенно дается извозчикамъ, представляющимъ товары въ разныя мѣста Россійской имперіи, былъ отправленъ къ барину, вмѣстѣ съ его движимою собственностію.

Но, какъ намъ извѣстно, аттестация управляющаго не спасла Тараса отъ тиковой куртки: по какимъ-то особеннымъ соображеніямъ, помѣщикъ повернулъ его въ комнатные козачки. Къ-счастью, и эта новая должность была лишь временнымъ испытаніемъ; и на этомъ новомъ для него поприщѣ, какъ и на кухнѣ въ Ольшаной, страсть къ живописи его не покидала, причинивъ ему не мало горя. Кочующая жизнь барина по ярмаркамъ разныхъ западныхъ городовъ и мѣстечекъ, чуть ли не въ качествѣ ремонтера, окончилась, вѣроятно, съ производствомъ въ высшій чинъ, и Тарасъ былъ отданъ въ науку къ комнатному живописцу въ Варшавѣ. Хозяинъ, замѣтивъ въ своемъ ученикѣ необыкновенныя способности къ живописи и не будучи въ состояніи научить его ничему хорошему, кромѣ раскрашиванья потолковъ и стѣнъ, а иногда и заборовъ, былъ настолько добросовѣстенъ, что, по истеченіи года, пришедши къ барину за условленною платой, прямо высказалъ ему, какъ онъ понимаетъ крѣпостнаго юношу. По совѣту этого добраго маляра, Тарасъ былъ отданъ къ извѣстному въ то время въ городѣ портретисту, потомку знаменитаго дамскаго живописца екатерининскихъ временъ—Лампи. Наблюдая свои интересы, помѣщикъ разсчиталъ, что изъ способностей крѣпостнаго можно современемъ извлечь еще болѣе выгоды, если онъ будетъ порядочнымъ живописцемъ, и потому вошелъ въ условія съ Лампи, который не принялъ ученика къ себѣ въ домъ, а согласился на то, чтобы онъ былъ приходящимъ. Тараса пріодѣли получше и велѣли ему ходить на уроки.

Въ это время онъ познакомился съ одною хорошенькою швеей, и впервые созналъ и глубоко почувствовалъ свое человѣческое достоинство. Любовь къ этой полькѣ, принадлежавшей къ другой средѣ—съ независимымъ образомъ мыслей, имѣла сильное вліяніе на его забитую, загнанную, но глубоко впечатлительную природу. Эта первая привязанность, по сознанію самого поэта, облагородила его душу, возвысивъ его въ собственныхъ глазахъ. «Я въ первый разъ пришелъ тогда къ мысли,» разсказывалъ онъ Сошенку, «отчего и намъ, несчастнымъ крепакамъ, не быть такими же людьми, какъ и прочія свободныя сословія?» Любовь не обошлась безъ жертвы. Коханка Тарасова

потребовала отъ него отреченія отъ роднаго языка въ пользу польской національности: въ разговорѣ съ нимъ она другаго языка не допускала. Уроки, видно, шли очень успѣшно, судя по тому, какъ говорилъ покойникъ по-польски (*). Она не мало заботилась объ немъ: сама ему шила рубашки, гладила манишки и галстуки.

Для бѣднаго сироты открылся новый міръ. Но это мимолетное счастье, мелькнувшее волшебнымъ призракомъ среди нищеты и горя, не заставило его ни на минуту забыть свое безвыходное положеніе. Съ одной стороны, его горькое прошедшее, его неволя и жестокое обращеніе съ крестьянами управляющихъ и экономовъ, о чемъ онъ постоянно слышалъ отъ своихъ земляковъ, пріѣзжавшихъ изъ имѣнія, а съ другой стороны, вольная воля пановъ—счастливицевъ и независимость отъ произвола панскаго другихъ сословій, къ которымъ онъ не принадлежалъ, но къ которымъ онъ *могъ бы* принадлежать по своимъ способностямъ,—мысль эта страшно мучила его и повергала въ мрачное состояніе духа, близкое къ самоубійству.

Но Тарасъ нашъ не погибъ.

Помѣщикъ его вышелъ въ отставку и переѣхалъ на жительство въ Петербургъ. Вмѣстѣ съ другими дворовыми людьми, Тарасъ отправленъ въ столицу по этапу, велѣдъ за бариномъ (**). Такой способъ переселенія людей, несдѣлавшихъ никакого преступленія, внушенъ помѣщику излишнею предосторожностію, чтобъ они дорогою не разбѣжались.

«Въ 1832 году мнѣ исполнилось 18 лѣтъ и такъ—какъ надежды на мою лакейскую расторопность не оправдались, то онъ (помѣщикъ) внявъ неотступной моей просьбѣ, законтрактовалъ меня, на четыре года, разныхъ живописныхъ дѣлъ цеховому мастеру нѣкому Ширяеву. Ширяевъ соединялъ въ себѣ все качества дячка спартака, дякона—маляра и другаго дяка—хиромантика; но несмотря на весь гнетъ тройственного его генія, я, въ свѣтлыя весеннія ночи,

(*) Въ 1839 году, въ Кіевѣ, Тарасъ Григорьевичъ познакомился съ одною панною у пріятеля своего Сошенка и охотно говорилъ съ нею по-польски. По мнѣнію этой польки, «*pan Szwerzenko bardzo dobrze mówi po-polsku, ale zawsze w jego mowie jest coś chłopskiego.*» Объ этомъ, смѣясь, рассказывалъ мнѣ самъ Тарасъ.

(**) За вѣрность этого факта можетъ поручиться г. З—ла, близкій пріятель Шевченка.

бѣгалъ въ Лѣтній садъ рисовать со статуей. Въ одинъ изъ такихъ сеансовъ познакомился я съ художникомъ И. М. Сошенкомъ» (*).

Первое знакомство съ Сошенкомъ началось не такъ. Сошенко рассказываетъ объ этомъ иначе:

«Когда я былъ «въ гипсовыхъ головахъ» или нѣтъ, кажется, уже «въ фигурахъ» (1835—1836 г.), вмѣстѣ со мною рисовалъ братъ жены Ширяева. Отъ него я узналъ, что у его зятя въ мальчикахъ служить мой землякъ Шевченко, о которомъ я еще слыхалъ кое-что въ Ольшаной, находясь у своего перваго учителя С. С. Превлочнаго. Я убѣдительно просилъ родственника Ширяева, чтобы онъ прислалъ его ко мнѣ на квартиру. Узнавши о моемъ желаніи познакомиться съ землякомъ, Тарасъ на другой же день, въ воскресенье, отыскалъ мою квартиру въ 4-й линіи и явился ко мнѣ въ такомъ видѣ: на немъ былъ засаленный тиковый халатъ, рубаха и штаны толстаго холста запачканы были въ краску, босой расхристаный и безъ шапки. Онъ былъ угрюмъ и застѣнчивъ. Съ перваго же дня нашего съ нимъ знакомства я въ немъ замѣтилъ сильное желаніе учиться живописи. Онъ началъ бывать у меня по праздникамъ, потому что въ обыкновенные дни и мнѣ было некогда и его хозяинъ не пускалъ. Во время такихъ посѣщеній, Тарасъ урывками рассказывалъ мнѣ нѣкоторые эпизоды изъ своего прошлаго и почти всегда завершалъ свои рассказы ропотомъ на судьбу.

«Меня до глубины души тронула жалкая участь молодаго человѣка, но помочь ему я былъ не въ состояніи. Да и чѣмъ могъ пособить его горю я, бѣдный труженикъ-маляръ, работавшій безпрерывно изъ-за куска насущнаго хлѣба, безъ связей, безъ протекціи, безъ денегъ? А спасти даровитаго юношу было нужно во что бы то ни стало.

«Въ это время я былъ хорошо знакомъ съ извѣстнымъ малороссійскимъ писателемъ Е. Гребенкою. Съ нимъ-то я прежде всего посоветовался, какимъ образомъ помочь нашему земляку. Гребенка принялъ близко къ сердцу мое предложеніе, сталъ часто приглашать Тараса къ себѣ, давалъ ему для чтенія книги, сообщалъ разныя свѣдѣнія и проч. Потомъ уже я представилъ Тараса конференцъ-секретарю академіи художествъ, В. П. Григоровичу, съ убѣдительною просьбой—освободить его отъ жалкой участи.

Съ Гребенкой Тарасъ сталъ иногда бывать у придворнаго живо-

(*) Письмо къ редактору Народнаго Чтенія.

писца Венеціанова, который вмѣстѣ съ Григоровичемъ представили его В. А. Жуковскому».

Знакомство съ такими людьми не могло остаться безъ вліянія на развитіе молодого человѣка. Бесѣды, слышанныя имъ у нихъ въ домѣ, книги получаемыя отъ Гребенки быстро подвинули впередъ его образованіе. Пробывъ цѣлый день на работѣ, взятой хозяиномъ съ подряда и состоявшей въ покраскѣ оконъ, потолковъ, а иногда и заборовъ, ночью, забравшись на чердакъ, онъ постоянно читалъ все, что ему попадалось въ руки. А память у него была изумительная. Поэтъ нашъ, по своему положенію, примыкаетъ къ разряду тѣхъ необыкновенныхъ людей, которые названы у д'Израэли поздно-воспитанными геніями—*sero sapientes*.

«Что геній воспитываетъ самъ себя, въ этомъ мы ссылаемся на собственное свидѣтельство всѣхъ членовъ этой великой семьи; но это самовоспитаніе идетъ не всегда удачно и многія геніальныя личности оканчиваютъ дни свои посреди обломковъ собственного таланта и съ убитой душой. Многіе изъ великихъ людей половину жизни своей истратили на то, чтобы вознаградить потерянное время или искоренить въ себѣ слѣды дурнаго воспитанія (*).»

Замѣчаніе это, въ нѣкоторомъ отношеніи, можно приложить и къ даровитой личности Шевченка. Лишенный въ дѣтствѣ элементарнаго образованія, облегчающаго трудный путь къ серьезному ученію, поэтъ—самоучка съ величайшимъ усиліемъ усваивалъ научныя свѣдѣнія, безъ системы и порядка; но онъ преодолевалъ эти затрудненія, поставленныя ему на пути къ развитію прежнимъ ученіемъ на мѣдный грошъ у дьячка—спартанца,—и масса пріобрѣтаемыхъ свѣдѣній не задавила его способностей: свѣтлый природный умъ поэта систематизировалъ эти свѣдѣнія, отличая между ними важное отъ неважнаго, не обременяя памяти бесполезнымъ хламомъ.

Тарасъ изумлялъ Сошенка своими успѣхами. Желая ближе познаться съ направленіемъ его таланта, Жуковскій, далъ ему однажды тему: «описать жизнь художника». Неизвѣстно, насколько Тарасъ удовлетворилъ пытливость нашего знаменитаго романтика; извѣстно только то, что съ этого именно времени Жуковскій сильно началъ хлопотать о выкупѣ крѣпостнаго автора.

(*) Исторія литературнаго генія, д'Израэли.

«Около этого времени, продолжает свой рассказ Сошенко, въ один изъ каникулъ, я былъ приглашенъ управляющимъ домомъ Шевченкова барина Прехтелемъ, съ которымъ я познакомился еще въ Ольшаной, перебраться къ нему на Моховую улицу. Господа переѣхали на дачу. Тарасъ навѣщалъ меня и здѣсь. Посѣщенія эти весьма не понравились Прехтелю. Онъ возненавидѣлъ Тараса за его вольныя рѣчи и либеральныя бесѣды съ дворовыми людьми, которые и сами начали вольничать, уклоняться отъ работы и заявлять предъ дворецкимъ о своихъ человѣческихъ правахъ. Возбѣшенный Прехтель рѣшился проучить либерала—крепака. И вотъ, съ субботы на воскресенье, кучеру приказано было приготовить на конюшнѣ все, что нужно. На другой день, едва только пріятель мой показался на господскомъ дворѣ, его арестовали. Я вижу, что ляхъ шутить не любитъ, принявъ на себя роль защитника. Но какъ я ни просилъ этого варвара, ни что не помогло. Къ счастью, въ это время я писалъ портретъ жены его. (Прехтель недавно женился). Я къ ней. Едва—едва она могла упросить своего разгнѣваннаго супруга, который до—того расходился, что съ нимъ сдѣлался нервный припадокъ. Не насытивъ своей мести, онъ даже слегъ въ постель. Этотъ казусъ стоилъ мнѣ не мало. Я падалъ до ногъ, сдѣлалъ раціцы и прочія шляхетскія штуки выкидывалъ. Но какъ бы тамъ ни было, а Тарасъ былъ спасенъ. Ему запрещено было видѣться съ дворовыми, подъ страхомъ жесточайшаго наказанія.

«Настала осень. Я переселился изъ палатъ панскихъ въ свою убогую квартирку, къ пѣмкѣ Марѣ Ивановнѣ. Тарасъ продолжалъ бывать у меня все чаще и чаще. Я замѣчалъ, что ему день ото дня становится все тяжеле и тяжеле. Въ это время изъ—за границы воротился Брюловъ. Малюя по цѣлымъ днямъ заборы, штахеты и крыши, Тарасъ по ночамъ уходилъ въ Лѣтній садъ рисовать со статуй и предаваться любимымъ мечтамъ о свободѣ, а по праздникамъ не переставалъ заглядываться на великія произведенія живописи въ залахъ эрмитажа. Душа его рвалась въ академію. Въ это время онъ уже довольно удачно писалъ портреты акварелью. Баринъ и не прочь былъ исполнить желаніе Тараса, но, къ—несчастью, крѣпостнымъ людямъ заказанъ былъ входъ въ святилище свободного искусства. Причиною тому была несчастная судьба многихъ крѣпостныхъ живописцевъ, которые, получивъ образованіе въ академіи и возвратясь къ помѣщикамъ, не переносили ихъ обращенія, оканчивая жизнь свою самоубійствомъ — рѣза-

лись, вѣшались, топились (*)». Выпускать же на волю способнаго челоуѣка не входило въ принципъ помѣщичьей власти: дѣйствія нашихъ помѣщиковъ клонились къ тому, чтобы какъ можно болѣе эксплуатировать трудъ и способности своего крестьянина. Находя для себя очень выгоднымъ имѣть въ домѣ хорошія картины, за которыя нужно бы заплатить хорошія деньги, они старались имѣть ихъ задаромъ, отдавая въ академію своихъ крѣпостныхъ.

«Мы привыкли къ этимъ обыденнымъ явленіямъ русской жизни. Къ чему не привыкаетъ челоуѣкъ? Но вѣдь это ужасно!.. Просвѣтивъ умъ, обогативъ душу высокими помыслами свободнаго искусства, оставить челоуѣка въ неволѣ и подчинить его, наравнѣ съ дворовыми, всѣмъ прихотямъ барства? Возмутительно. Мы увѣрены, что еслибы въ университетѣ могли поступать тогда крѣпостные, то нѣкоторые изъ нашихъ помѣщиковъ не задумались бы посылать туда способнѣйшихъ крестьянъ, чтобы имѣть своихъ домашнихъ учителей, лекарей, механиковъ, агрономовъ и т. п.

«Состояніе души Тараса было въ это время ужасно. Узнавъ о томъ, что дѣло его освобожденія, задуманное такими вліятельными людьми, какъ Венеціановъ, Гр. Віельгорскій, Жуковскій, несмотря на все ихъ вліяніе, все-таки вперед не подвигается, онъ однажды пришелъ ко мнѣ въ страшномъ волненіи. Проклиная свою горькую долю, онъ не щадилъ и эгоиста-помѣщика, не выпускавшаго его на волю. Наконецъ, погрозивъ ему ужасною местью, онъ ушелъ отъ меня. Не знаю, что бы онъ сдѣлалъ, если бы дѣло о его выкупѣ не кончилось благополучно. По крайней мѣрѣ я сильно перетрусилъ за Тараса и ждалъ какой-нибудь бѣды.

«Сторговавшись предварительно съ помѣщикомъ (разсказываетъ самъ Шевченко въ своемъ письмѣ), Жуковскій просилъ Брюлова написать портретъ, съ цѣлью разыграть его въ лотереѣ. Великій Брюловъ тотчасъ согласился и вскорѣ портретъ Жуковскаго былъ у него готовъ. Цѣною этого портрета (2,500 руб. ассиг.) куплена была моя свобода, въ 1838 г. апрѣля 22.»

О томъ, какъ принялъ Тарасъ первую вѣсть о свободѣ, Сошенко передаетъ слѣдующее:

«Получивъ работу отъ Пѣшехова — четырехъ евангелистовъ, я сидѣлъ въ квартирѣ и работалъ прилежно. Это было въ послѣднихъ

(*) См. біографію Тропинина. Русскій Вѣстникъ за 1861 годъ.

числахъ апрѣля. Я жилъ все на той же квартирѣ, почти въ подвалѣ огромнаго четырехъэтажнаго дома, у той же нѣмки Марьи Ивановны. Въ нашѣмъ морозномъ Петербургѣ запахло весною. Я открылъ окно, которое было вровень съ тротуаромъ. Вдругъ въ комнату мою черезъ окно всакиваетъ Тарасъ, опрокидываетъ моего Евангелиста, чуть и меня не сшибъ съ ногъ, бросается ко мнѣ на шею и кричитъ: «свобода! свобода!» — Чи не здурівъ ти, Тарасе? — А онъ все прыгаетъ да кричитъ: «свобода! свобода!» Понявши, въ чемъ дѣло, я уже съ своей стороны сталъ душить его въ объятіяхъ и цѣловать. Сцена эта кончилась тѣмъ, что мы оба расплакались какъ дѣти.

«Съ того же дня, пишетъ Шевченко, я началъ посѣщать классы Академіи Художествъ и скорѣ сдѣлался однимъ изъ любимыхъ учениковъ-товарищей Брюлова.»

«Похоронивъ своего товарища Безлюднаго, (продолжаетъ Сошенко), скончавшагося на моихъ рукахъ отъ чахотки, я страшно скучалъ. Работа не спорилась. Тоска меня измучила. Приближалась дождливая и сырая осень. Я предложилъ Тарасу перейти ко мнѣ на квартиру и жить вмѣстѣ. Онъ согласился. Въ это время онъ совершенно измѣнился. Познакомившись съ лучшими петербургскими домами посредствомъ Брюлова, онъ часто разъѣзжалъ по вечерамъ, хорошо одѣвался, даже съ претензією на *somme il faut* ность. Словомъ, въ него на нѣкоторое время вселился свѣтскій бѣсъ. Досадно мнѣ было и больно смотрѣть на его безалаберную жизнь, несвойственную нашему брату художнику, живущему лишь для одного искусства. Такъ-то, думалъ я себѣ, понималъ онъ свободу, стоившую ему такой борьбы, такихъ страшныхъ усилій? Не разъ я принимался уговорить его, чтобъ онъ бросилъ разсеянную жизнь пустыхъ людей и серьезно принялся бы за живопись. «Эй, Тарасе, схаменись! Чомъ ти діла не робишь? Чого тебѣ нечистая ндсить по тімъ гостямъ? Машеь таку протѣкцію, такого учителя.» Куда тобі! Шуба енотова, ціпóчки не ціпóчки, шáлі да часы, да извошки лихачи... Закүривъ же мій Тарасъ; не бóде зъ ёго нічого дóброго!...

«Правда, по-временамъ онъ сидѣлъ и дома; по все-таки дѣломъ не занимался: то співае, то піше собі щось, та все до мене пристае: «а послухай, Соха, чи воно такъ дóбре бóде?» Та й почне читать свою Катеріну (онъ въ это время писалъ ее). Та одчепись ти, кажу, съ своїми віршами! Чомъ ти діла не робишь?»

Нападая на Тараса за уклоненія отъ прямого своего назначенія—

быть живописцемъ, Сошенко дѣйствовалъ тогда по убѣжденію, и съ своей точки зрѣнія былъ правъ. Ему казалось, что искусство требуетъ всего человѣка безраздѣльно, что если избралъ живопись, такъ и занимайся ею одною, а если поэзія тянетъ, такъ брось живопись. Одно что пибудь.

«Не грѣшно ли было вамъ, Иванъ Максимовичъ, преслѣдовать Тараса за поэзію? Вамъ слѣдовало поощрять его занятія, а не бранить,» упрекали Сошенка его знакомые. «А кто жъ его знавъ, що зъ ёго буде такой великій поэтъ? А все-таки я стою на своемъ: що якби вінъ покинувъ свої вірши, то бувъ би ще більшимъ живописцемъ.» Какъ видно, Сошенко дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ въ интересъ *своего* искусства, а природа была сильнѣе его—она взяла *свое*.

«Странное, однакожъ, это всемогущее призваніе, «пишетъ Шевченко въ дневникѣ своемъ. Я хорошо зналъ, что живопись моя будущая профессія, мой насущный хлѣбъ. И вмѣсто того, чтобъ изучить ея глубокія таинства, и еще подъ руководствомъ такого учителя, какъ безсмертный Брюловъ, я сочинялъ стихи, за которые мнѣ никто гроша не заплатилъ, и которые наконецъ лишили меня свободы, и которые, несмотря на всемогущее человѣческое запрещеніе, я все-таки въ тихомолку кропаю... Призваніе—и ничего больше.»

Тарасъ жилъ съ Сошенко только четыре мѣсяца (съ осени 1838 года по январь 1839 г.). Нееходство въ образѣ жизни и привычкахъ поселило между ними разладъ и несогласіе, а замѣшавшаяся въ это дѣло племянница хозяйки ускорила окончательный разрывъ между земляками.

«У Марьи Ивановны жила племянница ея, сирота, дочь выборгскаго бургомистра, Марья Яковлевна, прехорошенькая пѣмочка. Нашему брату—художнику влюбиться нетрудно, и я полюбилъ ее отъ души, и даже, грѣшный человѣкъ, подумывалъ было на ней жениться. Но Тарасъ разстроилъ все мои планы. Онъ быстро повелъ атаку противъ Маши и отбилъ ее у меня. Долго-я скрывалъ свое неудовольствіе на ихъ близкія отношенія, наконецъ не выдержалъ. Разбранивъ Тараса, я выгналъ его изъ квартиры. Но тѣмъ не помогъ своему горю: Маша стала уходить къ нему на квартиру. Уже по выѣздѣ изъ Петербурга въ Малороссію, я узналъ стороною, что въ Академію подана жалоба на Шевченка отъ какой-то пѣмки. Жаль мнѣ бѣдной Маши! Чтѣ-то съ нею теперь?...

«Скоро послѣ этого, отъ усиленной работы, я заболѣлъ глазами

и грудь. Доктора стали отсылать меня въ мой родной климатъ, и я, не дошедши до цѣли, долженъ былъ бросить Петербургъ, чтобы не послѣдовать за Безлюднымъ, и переселиться въ болотный Нѣжинъ учителемъ уѣзднаго училища на 4 рубля серебромъ мѣсячнаго жалованья. Узнавъ о моемъ отъѣздѣ, Тарасъ пришелъ ко мнѣ прощаться. Онъ чувствовалъ себя виноватымъ передо мною, принялъ братское участіе въ моемъ бѣдственномъ положеніи, и мы простились съ нимъ какъ добрые пріятели и земляки, какъ будто между нами ничего и не было.

«Въ 1846 году я видѣлся съ нимъ въ Нѣжинѣ и журилъ его уже не за то, что онъ занимается поэзіею на счетъ живописи, а за то, что печатаетъ такіе плохіе стихи, какъ «Тризна» (на в.-русскомъ языкѣ.)» (*).

Изъ всего того, что передалъ мнѣ Сошенко о первыхъ годахъ жизни Шевченка послѣ выпуска его на волю, можно вывести одно заключеніе, что у поэта нашего закружилась голова отъ неимоверно быстрого перехода съ чердака грубаго мужика-майлара въ великолѣпную мастерскую величайшаго живописца нашего вѣка. «Самому теперь не вѣрится (пишетъ онъ въ своемъ дневникѣ), а дѣйствительно такъ было. Я—изъ грязнаго чердака, я—ничтожный замарашка—на крыльяхъ перелетѣлъ въ волшебныя залы академіи художествъ!»

Свѣтскія удовольствія и артистическіе кутежи, отъ которыхъ удерживалъ Сошенко Тараса, но отъ которыхъ не могъ воздержаться и самъ великій учитель его, идолъ академической молодежи, Брюловъ, оставили слѣды на всю жизнь поэта и легли темнымъ пятномъ на дорогую намъ его память. «Кутнулъ и я на свой пай когда-то,» говоритъ самъ поэтъ въ дневникѣ своемъ (Основа, июль 1861 г.).

«Зачѣмъ пьютъ, зачѣмъ кутятъ наши даровитые люди?» Человѣкъ съ умомъ и съ душою такого наглаго вопроса не предложитъ. Кабы не было тяжело, такъ не стали бы пить... Есть люди, которые не умѣютъ дѣлать уступокъ: имъ подавай или все, или ничего; при первой разбитой надеждѣ, они бросаютъ все, и съ какимъ-то злобнымъ наслажденіемъ разбиваютъ объ дорогу и свой идеалъ, и свои стремленія, и молодость, и силы, и жизнь.» (**).

Но не такъ думаетъ завистливая бездарность и пошлое высокоуміе.

(*) О пребываніи Шевченка въ Кіевѣ, въ 1839 году, будетъ сообщено въ другое время.

(**) Статья г. Писарева, помѣщенная въ «Русскомъ Словѣ» за ноябрь 1861 г.

ріе людей, не признающих надъ собой ни чьего нравственнаго превосходства и бросающихъ изъ — за угла камнями въ пророковъ земли своей. Не понимая глубокаго смысла ихъ вдохновенныхъ рѣчей, провозглашающихъ народу — «любви и правды чистыя ученья,» люди карьеры и денегъ, эти бездушные фарисеи, эти продажныя блюстители народныхъ правовъ, забываютъ ту простую истину, что у всякаго человѣка есть недостатки: почему же не быть имъ и у нашего Шевченка? Они не знаютъ того, что у такихъ исключительныхъ личностей, у такихъ огненныхъ натуръ, все громадно, необыкновенно; что ихъ нельзя мѣрять на свой аршинъ. Замѣчая лишь одни недостатки и не будучи въ состояніи возвыситься до пониманія высокихъ совершенствъ необыкновеннаго человѣка, они стараются уравнивать его личность съ собою, очернить его память, забросать грязью его могилу... Но это имъ плохо удастся: справедливо-заслуженная слава Шевченка вырывается чистою и свѣтлою изъ ихъ грязныхъ рукъ и проникаетъ во все слои общества, даже въ *простой* народъ, который такъ былъ любимъ поэтомъ, какъ не полюбить имъ ничего въ мірѣ... Більшей славы Шевченко не желалъ... да и можетъ ли быть бѣлая слава?..

Сава Ч.

Апрѣль 1862 г.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ОБЪ ОТНОШЕНІЯХЪ ГАЛИЦКИХЪ РУСИНОВЪ КЪ СОСѢДЯМЪ.

(Изъ Галичины).

Въ статьѣ *Политическая безтактность* (*Современникъ*, сентябрь 1861 г.) указываютъ Русинамъ на то, что они пишутъ языкомъ великорусскимъ, и т. обр., отстраняясь отъ южнорусскаго племени, не могутъ рассчитывать на сочувствіе ео стороны послѣдняго; что они во вредъ себѣ враждуютъ, а не сближаются, съ Поляками, бесполезно прибѣгаютъ подъ покровительство австрійскаго министерства и тѣмъ сами-себя ставятъ въ совершенно-изолированное положеніе; наконецъ, петербургскій публицистъ совѣтуетъ Русинамъ—оставить неосновательныя, дѣтскія жалобы на Поляковъ за прежнее поработеніе и за настоящія мнимыя оскорбленія, (т. е. забыть свою исторію), не писать великорусскимъ языкомъ и всецѣло соединиться съ Поляками, которые, какъ полагаетъ авторъ, готовы, будто бы, сдѣлать всевозможныя уступки галиційскимъ Малоруссамъ. Можетъ-быть авторъ не думалъ прійти къ такимъ крайнимъ рѣшеніямъ, но онъ, къ-сожалѣнію, пришелъ къ нимъ — и горько ошибся. Въ томъ, въ чемъ онъ увѣряетъ,—увы!—нельзя уже убѣдить ни украинскихъ, ни задніпровскихъ, ни галиційскихъ Малоруссовъ.

Галиційскіе Малоруссы, или Рутены (*Ruthènes*), какъ называютъ ихъ Нѣмцы и Поляки, хотя бы и называются Русскими и рѣшительно не желаютъ подчиниться руководительству *интеллигентной либеральной польской націи*. Почему?—Это понятно: стоить только поближе узнать, какъ понимаютъ русинскую народность эти руководители,—какія лжи распространяютъ о ней на Западѣ и у себя дома.

Галиційскіе Русины не пишутъ, да и не могутъ писать по-великорусски по той естественной причинѣ, что не знаютъ великорусскаго языка и не имѣютъ возможности изучить его. Русины пишутъ такимъ языкомъ, какой они успѣли выработать, принявъ въ основу свой народный языкъ и языкъ книжный-русскій, признавая этотъ послѣдній языкомъ не московскимъ, а общерусскимъ. Русины того мнѣнія, что

русскій книжный языкъ возникъ въ Южной-Руси и только усовершенствованъ Великоруссами, и современный литературный червонорусскій языкъ, по своимъ формамъ, безъ-сомнѣнія, ближе, къ малорусскому, чѣмъ къ великорусскому. Въ доказательство того, что Русины пишутъ языкомъ не великорусскимъ, мы приводимъ отрывокъ изъ перваго попавшагося намъ номера Львовской газеты *Слово* (№ 55): «*Отъ Коломѣи*: — «Ничого намъ не желати, якъ щобы вольно намъ было заглянути до актовъ намѣстничества и прочитати донесенія цовѣтовыхъ начальниковъ. Истинно, въ каждомъ бецирку во-прошають войтѣвъ, въ якомъ языкѣ хотять громады, щобы съ ними переписоватися. И если бециркъ—форштегеръ есть полякъ, то громады желаютъ, щобы урядову переписку вести по-польски, а есть онъ Русинъ, то домогаются по-руски.» Разница этого языка съ великорусскимъ еще болѣе усиливается тѣмъ, что слова произносятся не такъ какъ они написаны, а по-южнорусски.

Если Русины не успѣли еще обработать своего языка,—за это нельзя винить ихъ. До 1846 г., языкъ Русиновъ не преподавался ни въ университетѣ, ни въ гимназіяхъ, ни въ нормальныхъ школахъ; Русины въ школахъ и въ семействѣ говорили по-польски, не знали ни своего языка, ни своей исторіи; ихъ преслѣдовали за русскую азбуку (гражданку) и заставляли писать кириллицею. Мы лично знакомы съ людьми, которымъ запрещено было печатать свои сочиненія гражданкою, знаемъ и такихъ, которыхъ преслѣдовали за употребленіе въ своихъ сочиненіяхъ вмѣсто *що*—*что*. Сочиненія, въ которыхъ находились какія-нибудь великорусскія слова, или выраженія, были запрещены; прекрасныя историческія изслѣдованія г. Петрашевича, изданныя «Русскою Матицею,» не позволено было печатать, потому что авторъ писалъ гражданкою. Мы видѣли ученую статью г. Петрашевича, написанную прекраснымъ русскимъ языкомъ, но она была изуродована редакціею официальнаго русинскаго *Вѣстника* въ Вѣнѣ: редакторъ этого журнала, изъ излишняго усердія къ правительству, дѣлалъ прекурёзныя поправки... Этимъ преслѣдованіямъ подвергался русскій языкъ въ Галиціи, по проискамъ Поляковъ. Поляки употребляли все усилія, чтобы заставить Русиновъ бросить родной языкъ и писать по-польски. Бывшій губернаторъ Галиціи, графъ Голуховскій, употреблялъ самыя рѣшительныя мѣры, чтобы замѣнить русскую азбуку латинской; для этой цѣли вызванъ былъ на-помощь Чехъ Иречекъ. Но Русины вынесли тяжкую борьбу за родное слово и, несмотря на все преслѣдованія, писали на своемъ языкѣ.

Авторъ *Національной Безтактности* видитъ, по его мнѣнію, гибельную для народа безтактность издателей *Слова* въ томъ, что Русины предоставляютъ обсужденіе политическихъ вопросовъ духовенству; онъ говоритъ, что духовенство не должно имѣть никакого участія въ мірскихъ дѣлахъ, что подобныя дѣла слѣдуетъ предоставлять свѣтскимъ людямъ. Эта избитая польскими публицистами мысль слишкомъ хорошо извѣстна Русинамъ. Русины, какъ извѣстно, не имѣютъ ни администраторовъ, ни дипломатовъ, ни юристовъ; весь образованный классъ народа составляетъ духовенство; всѣ ученые, за исключеніемъ немногихъ лицъ, принадлежать къ этому классу; большинство университетской молодежи, желающей остаться въ средѣ своего народа, должно посвящать себя богословскимъ наукамъ. Спрашиваемъ, если устранить духовенство отъ мірскихъ дѣлъ, кто же станетъ впереди народа? Авторъ, разумѣется, скажетъ, что духовенство не имѣетъ ничего общаго съ народомъ, что оно будетъ всегда дѣйствовать въ своемъ сословномъ интересѣ... Духовенство въ Галиціи не составляетъ замкнутого сословія; оно выходитъ изъ народа и живетъ среди его; оно не скрывается въ монастыряхъ, а ведетъ жизнь мірскую. Не нужно забывать и того, что галиційское духовенство—не католики, а уніаты; оно стоитъ за греческій обрядъ, къ которому крѣпко привязанъ народъ, и вмѣстѣ съ нимъ стоитъ за народность, которая тѣсно связана съ греческимъ обрядомъ. Еслибы Полякамъ удалось уничтожить греческій обрядъ и славянскій богослужебный языкъ, (чѣго они добивались), то русинская національность уже, быть-можетъ, исчезла бы въ Галиціи. Борьба за обрядъ тѣсно связана съ борьбою за языкъ; Русины, можетъ быть, забыли бы свой языкъ, еслибы богослужебный языкъ былъ латинскій, что дѣйствительно и случалось съ тѣми Русинами, которые приняли католицизмъ; богослужебный славянскій языкъ и греческій обрядъ спасли русскую національность; за эту-то—уже не только церковную, но и народную—святиню всегда крѣпко стояло и теперь стоитъ галиційское духовенство. Поэтому, какъ видите, интересы духовенства тѣсно связаны съ интересами народа. Можетъ быть, авторъ не придаетъ особеннаго значенія церковному обряду и полагаетъ, что съ этой стороны ничтожно участіе духовенства въ интересахъ народа. Русины понимаютъ это дѣло иначе: по словамъ лучшихъ галиційскихъ священниковъ, съ которыми я говорилъ объ этомъ предметѣ, они готовы до конца пострадать за греческій обрядъ. Они не видятъ возможности совмѣстить многосложную чисто-формальную обрядность

католическую съ духомъ греческаго богослуженія: къ чему, напримѣръ, католическіе звонки, паданіе на колѣна и т. п. Народъ хорошо понимаетъ богослуженіе на славянскомъ языкѣ,—и потому нѣтъ надобности напоминать ему посредствомъ звонковъ, что онъ долженъ дѣлать, при извѣстномъ священнодѣйствіи. Я присматривался къ уніатскому богослуженію, и признаюсь, меня очень огорчала эта смѣсь католицизма съ православіемъ: уніатское духовенство вынуждено было принять всю обстановку католическаго богослуженія: та же жестикуляція, та же театральность, звонки, мши, шептанныя обѣдни, и т. п. Лучшіе священники сильно возстаютъ противъ этихъ незаконныхъ обрядовъ; они даже хотятъ носить бороды и греческую священническую одежду.

Есть еще другая, болѣе важная, причина, отчего галиційское духовенство такъ крѣпко стоитъ за обрядъ, за догматы и за церковныя учрежденія православной церкви. Польское дворянство (въ Галиціи, дворянство все польское и католическое) до-сихъ-поръ удержало право церковнаго патроната. Бывшіе намѣстники считаются ктиторами церквей, хотя, въ настоящее время, не принимаютъ никакого участія ни въ постройкѣ, ни въ починкѣ церквей: обязанность эта исключительно лежитъ на сельскихъ *промадахъ*. А между тѣмъ, безъ согласія дѣдича, бывшаго помѣщика, священникъ не можетъ получить прихода. Обыкновенно митрополитъ, или епископъ, предлагаетъ помѣщику нѣсколькихъ кандидатовъ на приходъ; помѣщикъ имѣетъ право выбрать того или другаго. Случается, что священникъ, если онъ не пользуется довѣріемъ дворянства, остается нѣсколько лѣтъ безъ прихода.

Насъ, пожалуй, спросятъ: отчего Русины преимущественно идутъ въ духовное званіе, а не посвящаютъ себя другимъ занятіямъ, болѣе необходимымъ народу при настоящихъ обстоятельствахъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ дать исторія народа. До настоящаго времени, Русины совершенно были подавлены Поляками; все административныя и судебныя мѣста были заняты преимущественно Поляками. Бывшій губернаторъ Голуховскій вездѣ сажалъ Поляковъ и рѣшительно устранялъ Русиновъ. Русинъ съ великимъ трудомъ могъ получить какое-нибудь мѣсто и легко терялъ его по какимъ-нибудь ничтожнымъ причинамъ. Эти-то затрудненія и ненадежность службы препятствовали Русинамъ искать другихъ занятій; имъ оставалось одно: идти въ духовное званіе. Австрійское правительство дало Русинамъ возможность образованія, въ семинаріяхъ и въ университетѣ, на богословскомъ факультетѣ. Императоръ Іосифъ II, желая противопоставить Русиновъ Полякамъ, покровительствовалъ пер-

вымъ; онъ образовалъ изъ имуществъ упраздненныхъ монастырей фондъ, изъ процентовъ котораго и теперь воспитывается до 300 Русиновъ въ семинаріи и въ университетѣ. Я спрашивалъ молодыхъ Русиновъ—студентовъ львовскаго университета: почему они не избираютъ другихъ занятій, а идутъ въ священники? Они отвѣчали, что не имѣютъ средствъ воспитываться въ университетѣ на свой счетъ, а по окончаніи университета не имѣютъ надежды получить обезпеченныя мѣста на службѣ, и потому имъ остается одно: служить народу въ званіи священника, которое одно можетъ дать имъ болѣе вѣрныя средства къ жизни.

Все образованные Русины того мнѣнія, что имъ нѣтъ мѣста среди двухъ національностей: одной они должны служить пассивно, не принося никакой пользы народу; другая на каждомъ шагѣ стѣсняетъ ихъ дѣятельность, старается всеми возможными средствами вредить ихъ частнымъ и національнымъ интересамъ. Въ бытность мою въ Галиціи, случилось такого рода дѣло: учитель Бѣлоусъ, извѣстный своими учеными трудами и своею самоотверженною любовью къ народу, былъ предложенъ въ директоры Коломійской гимназіи, основанной на счетъ городскихъ доходовъ. Общество коломійское, состоящее большею частью изъ Поляковъ и Жидовъ, отвергло назначеніе г. Бѣлоуса, потому только, что онъ Русинъ. Бѣлоусъ получилъ мѣсто директора при содѣйствіи Нѣмцевъ, по назначенію министерства. При этомъ, Поляки, разумѣется, предлагали въ директоры Поляка, хотя между лицами, предложенными съ ихъ стороны, и не было достойнаго и способнаго человѣка. Зачѣмъ же Поляки толкуютъ о равноправности обѣихъ національностей? Зачѣмъ стараются увѣрить Русиновъ, что они желаютъ имъ добра и хотятъ общими силами бороться противъ Нѣмцевъ за мѣстное самоуправленіе? Хороша автономія! Тогда ни одинъ Русинъ, навѣрное, не получилъ бы мѣста въ службѣ.

Национальная безтактность Русиновъ, по мнѣнію автора, состоитъ и въ томъ, что Русины не довѣряютъ Полякамъ, не хотятъ подчиниться просвѣщенному руководству людей, которые искренно желаютъ имъ добра, готовы сдѣлать всевозможныя уступки русскому галиційскому народу.

Странно, что авторъ не понималъ отношеній Русиновъ къ Полякамъ: онъ, вѣроятно, не знаетъ, что народъ ведетъ здѣсь нескончаемую тяжбу съ бывшими своими помѣщиками. Въ Галиціи, при освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, помѣщики удержали исключительное право на лѣса и пастбища, съ обязанностию вознаграждать крестьянъ за право

пользованія дровянымъ лѣсомъ и строительными лѣсными матеріалами. Разбирательство этого рода дѣлъ между помѣщиками и крестьянами поручено было такъ-называемымъ *Сервитутовымъ Коммисіямъ*; коммисіи эти состояли изъ лицъ, назначаемыхъ правительствомъ; коммисіямъ именно вѣнено было въ обязанность заботиться преимущественно объ интересахъ сельскихъ громадъ и руководить послѣдними. Но лица, которымъ правительство повѣрило крестьянскія дѣла, дѣйствовали рѣшительно во вредъ народа: частію оттого, что не понимали языка и интересовъ народа, частію и по другимъ причинамъ. Дѣйствуя къ выгодѣ помѣщиковъ, пользуясь невѣжествомъ уполномоченныхъ отъ громады, коммисіи успѣли, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, предоставить крестьянамъ денежное вознагражденіе за право пользованія дровянымъ лѣсомъ и лѣснымъ строительнымъ матеріаломъ. Вознагражденіе это составляетъ всего не болѣе 53 крейцеровъ—28 к. серебр. въ годъ на семейство, или хозяйство, за строительный матеріалъ, и 22½ крейц.—12 к. за право пользованія дровянымъ лѣсомъ—валежникомъ. За эти деньги, по свидѣтельству свѣдущихъ людей, нельзя купить и одного добраго строеваго дерева. Извѣстно, что въ Галиціи помѣщики получили вознагражденіе за потерянное право на обязательный трудъ крестьянъ; выкупъ барщины палъ на всѣ сословія, не исключая и крестьянъ; у послѣднихъ были повышены подати, такъ-что крестьяне и не знали, что платили за свою свободу. Помѣщики, съ своей стороны, уступили крестьянамъ усадьбы и грунты, повидимому, безъ всякаго вознагражденія. Какъ видите, освобожденіе крестьянъ въ Галиціи совершалось очень мудро: крестьяне получили свободу и грунты, а помѣщики получили вознагражденіе за барщину,—и, кромѣ того, удержали исключительное право на лѣса и пастбища, удержали и другія права, тѣсно связанныя съ владѣніемъ землею, напр. право помола хлѣба (право имѣть водяныя мельницы исключительно принадлежать помѣщикамъ), право рыболовства въ рѣкахъ, орошающихъ грунты крестьянскіе и, наконецъ, право продажи вина: выходитъ, что помѣщики сохранили всѣ прежнія привилегіи, а крестьяне остались безъ пастбищъ, безъ лѣса и даже не получили права полной собственности на уступленные имъ земли. Земельные участки, уступленные крестьянамъ, очень ограничены, maximum—не болѣе 15 морговъ (*) на семейство. При этомъ нужно замѣтить, что земля въ Галиціи не вездѣ одинаково плодородна. По берегамъ рѣкъ, грунтъ земли извест-

(*) Морга = почти ¼ десятины (0,23370).

ковый, покрытый булыжникомъ и, большею частью, возвышенный, что, какъ извѣстно, затрудняетъ обработку. Богатство Галиціи составляютъ лѣса и пастбища; страна покрыта прекраснымъ лѣсомъ: букомъ, елью и смерекою (особый родъ сосны). Далѣе: такъ—какъ надѣлъ землею былъ не личный, а посемейный (за семействами были оставлены тѣ участки, которыми они владѣли до освобожденія), то значительное число безсемейныхъ людей осталось вѣчными бобылями, батраками, безъ земли, безъ пріюта. Такимъ образомъ, въ Галиціи, уже образовался классъ сельскихъ пролетаріевъ, живущихъ поденною работою. Положеніе галицкихъ батраковъ ужасно: обыкновенно живутъ поденною работою у Жидовъ въ качествѣ дворниковъ, фурмановъ, цѣловальниковъ и т. п. Пользуясь стѣсненнымъ положеніемъ крестьянина, Жидъ платитъ ничтожныя деньги за трудъ урочный, усиленный; батракъ работаетъ безъ отдыха, оставаясь вѣчно безъ семьи, безъ пріюта и часто безъ одежды. Случается, что бѣзпріютный, загнанный батракъ получаетъ отъ Жиды $4\frac{1}{2}$ цванцигера (около 38 к. ср.) въ недѣлю; за эти деньги онъ одѣвается, кормится и нанимаетъ квартиру. Можете вообразить нравственное положеніе этихъ несчастныхъ людей. Батракъ съ трудомъ можетъ найти работу у земледѣльца; рукъ и безъ—того много для обработки ничтожныхъ участковъ земли; ремесла—вещь неизвѣстная Русину. Въ городахъ и мѣстечкахъ вся мелкая промышленность находится въ рукахъ Жидовъ и Поляковъ. Галиція наполнена Жидами. Всѣ болѣе доходныя статьи: корчмы, мельницы, шоссеиныя заставы, продажа хлѣба и разныхъ предметовъ первой необходимости находятся въ рукахъ Жидовъ. Въ Галиціи, Жиды успѣли пріобрѣсть земельную собственность, вѣроятно пріобрѣтутъ и другія гражданскія и политическія права, и теперь Жиды ужъ говорятъ, что будутъ, купно съ Поляками, возстановлять древнюю Польшу. Дѣятельность и предприимчивость Жидовъ въ Галиціи изумительны: они пробрались въ Карпаты, гдѣ безъ милосердія грабятъ простодушныхъ горцевъ. Бѣдный горецъ закладываетъ Жиду свое пастбище и пасетъ жидовскій скотъ на своемъ пастбищѣ за процентъ. Австрійское правительство явно покровительствуетъ Жидамъ: множество русскихъ Евреевъ спасаются въ Галицію отъ рекрутской повинности и отъ преслѣдованій закона: австрійское правительство охотно принимаетъ ихъ. Перебѣжавшій за границу Жидъ для безопасности обыкновенно притѣлываетъ искусственные пейсы.

Обратимся къ крестьянамъ. При надѣлѣ крестьянъ землею не было предварительно произведено ни кадастра, ни размежеванія;

крестьянскіе участки остались въ прежнемъ размѣрѣ и въ прежнемъ положеніи. Грунты крестьянскіе разбросаны и разбиты до-крайности; есть примѣры, что грунтъ, состоящій изъ 15 морговъ, разбитъ на 38 кусковъ, заключающихъ по $\frac{1}{8}$, $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{2}$ и цѣлому моргу; участки эти разбросаны въ разныхъ мѣстахъ; случается, что крестьянинъ имѣетъ въ полѣ 76 сосѣдей! Можете представить, какія неудобства терпятъ крестьяне при такой допотопной системѣ хозяйства,—да еще, при этихъ неудобствахъ, они не имѣютъ ни пастбищъ, ни лѣса!

Вотъ — какъ изображаетъ одинъ изъ корреспондентовъ газеты «Слово» бѣдственное положеніе Галицкихъ крестьянъ: «Грунтъ расковалкованный (разбитый на куски) есть причиною неустанныго (безпрестаннаго) затрудненія (хлопотъ) дѣтей и челяди сельской, такъ, же (что) не могутъ ихъ родичи и господа посылати до школы и до церкви. Господарство безъ худобы обійтися не може; худобу, лѣтною порою, дѣти мусятъ водити на мотузкахъ, пасти по загонахъ, а конечне, худобина жива що-день поісти хоче, то и що-день тая робота есть для дѣтей, поки ажъ снѣгъ загонѣвъ не прикрые. Дѣти меньши — съ телятами, старши — съ коровами, господарь — съ волами, — если суть кони, то наймитъ съ кѣньми водять день-на-день по суголовкахъ (пригоркахъ), дорогахъ, загонахъ, подпасають чуже, и то наискладнѣйше въ недѣлю, або въ свято, когда міръ на набоженствѣ (въ церкви), чинять покѣсть, що многи въ тѣи дни для дошыльнованія (сбереженія) своего застѣву, отъ церкви и отъ набоженства отрывае:—про тое мало кому стае часу ити до церкви, ити до школы. Тому всему зарадити можно легко чрезъ скомассованье грунтовъ рустикальных.» Крестьяне, получивъ свободу, оставлены на произволъ судьбы. Ни правительство, ни дворянство, не принимаетъ никакого участія въ ихъ бѣдственномъ положеніи. Не имѣя возможности собственными силами управиться съ безтолковою системою хозяйства, крестьяне стали совершенно равнодушны къ земельной собственности, — продаютъ свои участки Жидамъ и нѣмецкимъ колонистамъ. Между тѣмъ, крестьяне несутъ тяжкія повинности: кромѣ поземельной и другихъ податей, кромѣ всякихъ земскихъ повинностей, постройка и содержаніе церквей и сельскихъ школъ составляетъ исключительную повинность сельскихъ громадъ. Таково современное хозяйственное положеніе сельскихъ громадъ въ Галиціи!—Спрашиваемъ, можетъ ли существовать любовь и согласіе между польскимъ дворянствомъ и русскимъ народомъ? Пусть скажутъ защитники польскихъ интересовъ въ Галиціи,

что сдѣлала для блага народа великодушная Польская нація? и какъ послѣ этого можно увѣрить Русиновъ, что Поляки готовы сдѣлать имъ всевозможныя уступки!?

Скажемъ нѣсколько словъ о политическихъ отношеніяхъ Русской и Польской національностей въ Галиціи.

Въ 1846 году, во время революціоннаго движенія Поляковъ противъ Австріи, Русины дѣйствовали за-одно съ Поляками: вся довѣрчивая, увлеченная университетская молодежь, все просвѣщенные люди между Русинами, исключая немногихъ опытныхъ людей, стали въ ряды Поляковъ. Народъ не зналъ о революціонныхъ замыслахъ дворянства; но когда движеніе сдѣлалось явнымъ, крестьяне начали рѣзать революціонеровъ-помѣщиковъ. Австрійское правительство воспользовалось ненавистью народа къ дворянству, не сочло нужнымъ остановить народный терроризмъ, и такимъ-образомъ успѣло безъ труда подавить это польско-русское движеніе. Надо замѣтить, что собственно рѣзня—знаменитая Галиційская рѣзня, которую Поляки приписываютъ Русинамъ, происходила не въ русскихъ, а въ *мазурскихъ* округахъ, а именно: Тарновскомъ, Решельскомъ, Ясельскомъ, Бохельскомъ, Вадовицкомъ и другихъ. Только въ одной русинской деревнѣ (не помню точно названія)—произошло столкновение между русинскими крестьянами и польскими революціонерами. Крестьяне хотѣли взять революціонеровъ, а тѣ начали стрѣлять въ народъ и убили нѣсколькихъ человекъ: тогда крестьяне перевязали ихъ и представили правительству. Русинскіе крестьяне, какъ только началось революціонное движеніе, тотчасъ обнаружили недовѣріе не только къ Полякамъ, но и къ Русинамъ, которые держали сторону Поляковъ. Лицо, отъ котораго я слышалъ все подробности этого дѣла, было самымъ дѣятельнымъ участникомъ въ революціонныхъ замыслахъ Поляковъ и современемъ расскажетъ эту темную исторію событій 1846 года.

Говорятъ, что Австрійское правительство вооружило крестьянъ—собственно Русскихъ—противъ помѣщиковъ, употребило чернь орудіемъ для подавленія революціонныхъ замысловъ польскаго дворянства. Безъ всякаго сомнѣнія, правительство воспользовалось ненавистью и недовѣріемъ народа къ дворянству, но не оно вызвало эту ненависть.

Вотъ—какую пѣсню сложили Галиційскіе крестьяне въ память освобожденія отъ барщины:

Ой дай, Боже, здоровьечко нашему цареві
Та що зробивъ polegшинне нашему краеві;

Ой дай, Боже, здоровьечко та нашій царівні,
 О щожъ теперъ та й мужаки изъ панами рівні.
 Пише цесарь той патенти межи свои люди:
 Ой молитця пану Богу—панщини не буде!
 Ой летіла зазуденька зъ зеленого гаю,
 Утікала панщинонька изъ нашего краю;
 Ой якъ она собі сіла та й трошки спочнула:
 Дивилася якъ свобода панщину тиснула;
 Ой якъ она утікала, пани ю ловили:
 »Ой вернися, панщиночко, ми тебе любили.«
 —Не вернуса, дурню пане, нічимъ вамъ невинна;
 Було жъ мене шанувати—я вамъ була вірна;
 Було жъ мене шанувати, міръ не збитковати:
 Вы не знали, якъ то гірько на хлібъ бідувати;
 Ви не вміли бо й косити, ваши жинки жати:
 Будеть ваша пшениченька въ полі зимувати!
 Минулися тіі роки да тіі гайдуки,
 Що носили *гаранники* та й ліскові буки!
 Минулося, шо ті пани, шо ті окомани,
Заливали въ печі огонь жинкамъ коновками.
 Йде чоловікъ на панщину зъ ціпомъ молотити,
 Ой—а они забігають, хотя его вбити (бить).
 Въ понеділокъ на панщину, въ вівторокъ панщина!
 Уже ся теперъ, пане брате, панщина скінчила!

Пісня эта превосходно рисуетъ положеніе крестьянъ не въ одной Галиціи: въ такомъ же положеніи находились крестьяне и въ юго-западныхъ губерніяхъ.

Съ 1846 года, Русины прервали всякія связи съ Поляками: политическая безтактность Поляковъ, ихъ двѣдущіе, неисполненіе обѣщаній, данныхъ, въ крайности, Русинамъ, рѣшительное недовѣріе народа къ польскому дворянству,—все это открыло глаза образованнымъ Русинамъ; они поняли, что не слѣдуетъ легкомысленно жертвовать роднымъ словомъ и русскою народностью узкимъ польско—національнымъ цѣлямъ.

Лицеѣрная австрійская политика не такъ тяжела и не такъ ненавистна Русинамъ, какъ главныя стремленія братьевъ—Поляковъ—подавить русинскую національность, заподозрить Русиновъ въ глазахъ правительства, обвинивъ ихъ въ коммунизмъ, въ наклонности къ схизмѣ и къ соединенію съ Россією. Przegląd писалъ, что передовые люди Русиновъ, за московскіе кресты и рубли, ведутъ народъ подъ кнутъ,

въ Сибирь, подъ власть Московскаго царя! Мы передаемъ эти слова буквально.

Не имѣя возможности обвинить Русиновъ въ измѣнѣ правительству, польскіе публицисты попытались иначе повести дѣло: попробовали, при помощи нѣкоторыхъ лицъ и нѣкоторыхъ статей, напугать Русиновъ, распространяя ту мысль, будто Малоруссы не сочувствуютъ Русинамъ; потому что они пишутъ великорусскимъ языкомъ и тянутъ къ Москвѣ. Но надо принять во вниманіе положеніе Русиновъ, положеніе дѣйствительно невыносимое: они ведутъ отрицательную борьбу, почти ничего не приобретаая въ будущемъ для своей національности. Такое безвыходное положеніе можетъ убить энергію и благородныя стремленія въ самомъ энергическомъ человѣкѣ. Необходимость обезпечить и желаніе выдвинуть свою личность, можетъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, самаго горячаго поборника народныхъ интересовъ сдѣлать орудіемъ какое-бы то нибыло правительство. Если и попадаются подобныя лица между Русинами, то, во всякомъ случаѣ, это—исключеніе. Народъ всегда сознавалъ свою національность и противопоставлялъ ее національностямъ польской и нѣмецкой и, хоть смутно, сознавалъ и сознаетъ свое сродство съ другимъ народомъ, близкимъ ему по вѣрѣ, языку и историческимъ преданіямъ. Я убѣдился въ этомъ, путешествуя по Галиціи. Я спросилъ 100-лѣтняго Горца (Гуцула), помнить ли онъ козаковъ; Гуцулъ отвѣчалъ: «козаки тіі люде, що боронили нашу віру відъ Татаръ». Я сказалъ ему, что, можетъ-быть, Поляки защищали васъ отъ Татаръ. «Ні, возразилъ Гуцулъ: Поляківъ самихъ рабовали и жарили Татаре». Я спросилъ: знаетъ ли онъ москалівъ; Гуцулъ отвѣчалъ: «козакъ, руснакъ и москаль: то одна віра; Полякъ, Німець, Жидъ, Вирманинъ—то друга віра; москалі, якъ приходили сюди, казали намъ: Ви *наша браття*.» Я встрѣтилъ этого Гуцула въ самой дикой и отдаленной горной деревнѣ (близъ Черной горы). Старикъ знаетъ Екатерину, которая, по его словамъ, посадила на царство Польскаго круля Понытовскаго Августа; помнить, когда Галиція была еще польскою провинціею; помнить пришествіе Пѣмцевъ въ ихъ дикія горы. Гуцулъ характеристично рассказывалъ о Пѣмцахъ: «Німці якъ пришли, то и тютюнъ привезли и лумера дали *гóздамъ* (хозяевамъ): кожний *гóзда* мусивъ носити лумерь (своего дома) на шні.»

Сообщаю вамъ одно обстоятельство, показывающее, въ какую страшную ошибку впадаютъ люди доброжелательные, но незнающіе поло-

женія дѣлъ, когда берутся защищать польское дѣло въ Галиціи. Редакторъ польской газеты «Слово», въ іюлѣ прошлаго года, получилъ грозное анонимное письмо, на великорусскомъ языкѣ, такого содержанія:

«Вы полагаете, что пишете языкомъ Галицко-русскаго простонародья; но вы ошибаетесь. Вы пишете почти чистымъ языкомъ великорусскимъ. Это замѣтила вамъ «Основа», которая старается писать дѣйствительнымъ языкомъ южнорусскимъ, хотя ее за то и преслѣдуетъ *Русскій Вѣстникъ* и инныя московскія и петербургскія (?) газеты. А жаль: языкъ Русиновъ очень поэтический и звучный, надо только понимать его и сочувствовать. *Вы распространяете* межъ народомъ идеи коммунизма и *анархіи*, полагая, что есть путь спасенія для Русиновъ; но вы гибельно ошибаетесь. Изъ всеобщей исторіи мы знаемъ, что человѣчество періодически многократно было потрясаемо жесточайшею борьбою между двумя элементами: съ одной стороны стояли и всегда торжествовали: порядокъ, собственность, прогрессъ и вообще цивилизація, съ другой стороны дрались на-смерть и всегда гибли: *анархія, коммунизмъ*, слѣпныя страсти *темныхъ массъ народныхъ*. Эти-то страсти вы опять возбуждаете. Побойтесь Бога, пощадите народъ, которымъ хотите руководить».

Редакторъ «Слова» былъ пораженъ грубымъ тономъ и нелѣпностью содержанія письма, неизвѣстнаго великорусса. Дѣло, впрочемъ, объяснилось скоро: авторъ письма напечаталъ въ газетѣ Przegląd: «Protest Słowianina». Авторъ протеста обвиняетъ Русиновъ отъ имени Славянъ въ порчѣ прекраснаго червоно-русскаго языка. Русины хорошо поняли, что это за Славяне, такъ-горячо отстаивающіе ихъ языкъ: оказалось, что авторъ анонимнаго письма и протеста—одно лицо. Русины знаютъ его имя и его отношенія къ Полякамъ, да и не трудно было открыть этотъ секретъ: авторъ и самъ подписалъ подъ своимъ протестомъ —

Słowianin narodu polskiego,
Plemienia białoruskiego.

Мы полагаемъ, что крайне нечестно и неблагоразумно клеветать такъ голословно на честныхъ людей. Русины глубоко были оскорблены подобными нелѣпыми протестами и еще больше рѣзкою статьею петербургскаго публициста, которая явилась вслѣдъ за протестомъ и анонимнымъ письмомъ. Редакторъ «Слова» полагалъ, что авторъ анонимнаго письма и авторъ статьи «Національная Безтактность» если не одно лицо, то безъ-сомнѣнія тотъ и другой одинаковыхъ

убѣжденій; но, безъ-сомнѣнія, между тѣмъ и другимъ—большая раз-
ница.

Русины ведутъ борьбу собственными силами, мало находя под-
держки и сочувствія въ другихъ соплеменникахъ; западные австрій-
скіе Славяне не довольны на нихъ за то, что Русины, поддерживая
министерство, будто бы повредили всѣмъ остальнымъ національно-
стямъ, которыя добивались полной автономіи, стояли за федерацію.
Но развѣ Русины могутъ одни поддержать Австрію и повредить дѣ-
лу Славянъ? Во всякомъ случаѣ, имъ нѣтъ возможности составить съ
Поляками одну народность и они вынуждены крайностью самозащиты
держаться австрійскаго правительства. Русины требуютъ раздѣленія
Галиціи на двѣ половины: Русскую и Польскую, видя въ этомъ
единственный справедливый способъ примиренія; а Поляки на это
кричатъ, будто передовые люди—Русины подкуплены Россією. Но мы
хорошо знаемъ, въ какомъ положеніи находится передовые люди въ
Галиціи. Историкъ Зубрицкій, хорошо извѣстный своими трудами
русскому обществу и русскому правительству, въ глубокой старости
дошелъ до нищеты. Вотъ—что онъ говорилъ о своемъ положеніи:
«Я имѣлъ небольшія средства и разсчитывалъ, что проживу спо-
койно до смерти, но разсчиталъ худо: я живу долѣе чѣмъ слѣдовало
и теперь не знаю, какъ проживу послѣдніе дни жизни.»

ЕЩЕ ЗАМѢТКА ОБЪ ІУДЕЯХЪ.

Недавно «Русскій Вѣстникъ» принявъ сторону іудейскаго журнала «Сіонъ» выступилъ съ грозною филиппикой противъ «Основы» и въ особенности противъ г. Кулиша. Побужденіе было благородное, но Русскій Вѣстникъ былъ неправъ: ни Основа вообще, ни г. Кулишъ, не думали оскорблять и унижать еврейское племя, еще менѣе проповѣдывать противъ него ненависть: дѣло шло только о томъ, что *бывало и бываетъ*. Но всѣ образованные малоросіане и великоруссы не одобрятъ вотъ—такой выходки противъ іудеевъ. Явилась на петербургской сценѣ пьеса г. Погоесскаго «Легкая Надбавка.» Въ ней выведенъ петербургскій домовладѣлецъ—безжалостный эгоистъ, выталкивающій на улицу бѣдную вдову писателя. Въ афишѣ напечатано о немъ: *изъ нѣмцевъ жидковъ*.

Къ чему это бесполезное и неумѣстное оскорбленіе племени, столь часто напрасно—оскорбляемаго и поругаемаго? Нужно ли было это для хода пьесы? Нимало. Домохозяинъ могъ быть нѣмецъ, французъ, великоруссъ, малоруссъ, татаринъ, также какъ и жидъ. Его жидовство почти только тѣмъ и ограничивается, что возвѣщаетъ о немъ афиша, напоминая подпись: *Се левъ, а не собака*, которую едѣлалъ, подъ своей картиной, живописецъ, хотѣвшій изобразить льва: онъ никакъ не могъ нарисовать такъ, чтобы левъ не былъ похожъ на собаку... По всѣмъ своимъ пріемамъ, домохозяинъ—въ пьесѣ г. Погоесскаго—совершенный нѣмецъ и, какъ нѣмецъ, изображенъ удачно. Неужели же авторъ свернулъ на *жидовъ* изъ рабочаго уваженія къ нѣмцамъ (*), между которыми есть сильные міра сего? Естественно, что безграмотный дворникъ, соблазняясь безсердечностію своего хозяина, называетъ его жидомъ; но умѣстно ли это для писателя, особенно еще народнаго? Нельзя не поблагодарить г. Зубова, кото—

(*) Мы имѣемъ основанія думать, что г. Погоескій не руководствовался этимъ побужденіемъ.

рый, несмотря на то, что, сообразно напечатанному въ афишѣ, долженъ былъ играть *жидка*, не побоялся, однако, представить настоящаго нѣмца. Домохозяинъ—нѣмецъ—явленіе обыкновенное въ Петербургѣ, и ни одинъ умный нѣмецъ не оскорбится явленіемъ какого-нибудь Плюмфа, какъ не оскорбляется на своего Шиллера за его Вурма; ибо знаетъ, что если есть нѣмцы—негодяи, то есть и честные и благородные люди, поддерживающіе доброе имя своего племени. К чему же такой страхъ у славянина предъ именемъ нѣмца? к чему такое безстрашное попираніе іудея, неудоушимаемаго даже полнымъ именемъ жида, а осужденнаго довольствоваться кличкою жидка?

Н. Костомаровъ.

ВІВЦІ П ЧАБАНО ВЪ ЧОРНОМОРІ.

Після Турецького розмиру, ще за цариці Катеріни, прийшли Чорноморці одъ Дністра на Кубанську зємлю. Заможніші зъ нихъ понаганяли всякої худоби: коней, скотини й овець. Вівці все були волоські, *кульмачувати*, и якъ міжъ козаками було волохівъ нетрохи, знаючихъ добре чабанське діло, то вони на отарахъ и порядкували. Теперъ Волохи попереводились, а порядки їхъ живуть до сього часу.

Въ жодній кочівній отарі мусить бути: лічманъ 1, чабанівъ 2 и гарбачий 1. Одна отара дєржить въ собі 10, а небільшъ якъ 15 сотъ овець. Такий, бачъ, лїкъ чабанський. Міжъ вівцями, для приво́ду, бува́ небагато кізъ и цаци - переднякі. Якъ що б́уде въ одного хазяїна такихъ отаръ чотирі-пять, то ставитця надъ лічманами отаманъ. При жодній отарі: гарба зъ одєжою, посудомъ и харча́ми, и собакъ 10 або 15. Отари кочують по степахъ, и де прийде́тця, тамъ и ночують. Зпершу, въ Чорноморі́ї, зімъ не було, то отари й кочували всю зіму; сі́на косять и не думали. Підъ х́угу, зхищались підъ комиша́ми, якихъ тоді́ було доволі́, а тамъ и въ пла́вняхъ по гр́ядахъ. А якъ набрело до насъ багачко москаля́, то де та й зі́ма взяла́сь: мовъ її зъ собою́ принесли́. Отъ тоді́ вже ста́ли хазяїни кося́ть сі́но, и якъ у степу́ підъ х́угу не ста́ло прихилища, то й почали́ для захи́сту робі́ть коші́ зъ хурдинка́ми и курі́ни для чабанівъ. Мі́сто для того́ обераетця висо́ке, щобъ ві́теръ здува́въ сні́гъ зъ того́ місця. Коші́ робля́тця кр́углі и четвероугло́ві зъ комишу́. Першъ копа́ють рі́вець гли́бомъ у ко́ліно, а въ ши́рь въ дві́ лопатки. Въ рі́вець ста́новитця коми́шъ окорі́ньками, въ повні́, збива́етця ті́сно. Якъ ви́ведетця сті́нка, то оббива́етця зъ бо́ку неї́ землі́ дрючка́ми сторчъ; по́тимъ завви́шки по гр́уді́ чолові́чі, окрепл́аетця ді́дами прикр́ученними въ про́шивъ дерезо́ю, або́ па́ренимъ тонкимъ терено́мъ. Таку́ огоро́жу не пова́лить ні́який

вітеръ. — Круглі коші луччі, и стоять кріпше. При коші, або въ коші, робитця хурдникъ для хворихъ овець, тожъ изъ комишю. Такимъ кошємъ отара становитця посередъ стѣну, щобъ вихідъ бувъ на всі сторони, одъ річки верстовъ у дві, або и въ пять. Отара пье зімою черезъ два, або черезъ три дні, то й можна до води їй підходитъ; а якъ далѣко річка, то щобъ бувъ колодязь або копань при коші. Зъ нихъ напуваєтця щоденно хурда, бо въ хурді храмота, — ходить далеко не зможе. Въ сніжну зиму, якъ нема курі, отара виходить въ степъ. Вівці ногами розгрібають снігъ и пасутьця; на нічъ приходять до коша, и коли тихо, то ночують при єму підъ стінною, а якъ хуга, то загоняютьця въ кошъ. Въ такимъ случаі сіно даєтця отарі въ сѣтки разъ, або черезъ день. Верхові, або горішні, вітри у насъ бувають саме зліші: дмуть неділя по дві, або й по три. Якъ такий вітеръ дме по снігу, або зъ снігомъ, — ото хуга, — то вже отари й не выпускають зъ коша. Возять саньми їй сіно и тамъ въ коші розкидають. Такъ якъ велика хуга переносить снігъ и черезъ комишеву въ коші стіну, то вітеръ, запиняючись, въ затишку, надъ кошємъ, крутить, а снігъ осідає на отару, и за зімню довгу нічъ може її закрити снігомъ на пропаля; тоді чабани якъ у день такъ и вночі пильнують дуже. Вони жоденъ часъ *зкручують* (гонять кружкомъ) отару въ коші; одъ сего вівці, отрушуючись одъ снігу, притоптують єго підъ собою. Подумайте собі, панове, що такъ чабані зъ отарою бігають и тиждень и два й більшъ, у день и вночі, поки хуга не вгамуетця; а одъ такого частого зкручування отара въ коші притоптує підъ собою снігъ, котрий одъ того все робитця вище и вище. Горе, якъ на коші буває комишъ низкорослий! Снігу зробитця въ кошарі повно, и якъ хоть одна вівця пересадить голову черезъ комишеву стінку и скочить за вітромъ, то й вся отара одно по одному піде скакати: тоді її ніяка сила не здержить. Зпершу вівці скачуть въ заміть, який підъ кошємъ буває, а якъ загатають самі собою врівні зъ стінною гатку, то піде вся отара потопомъ, — тоне въ снігу, а тутъ її и замітає. Ото кажуть: *вікрутило отару зъ коша*. — Отакъ пропадає хурдоба! Якъжѣ бува отара буде ходитъ въ тиху пору далѣко въ степу, а сховитця хуга, то и пожене отару за вітромъ. Добре, якъ прибѣє її до якого хutora підъ-затишокъ, або де підъ комишові захисти, а якъ набредє впоперекъ такої балки, де наставить сніговихъ замѣтивъ товсто, то вся отара тамъ и застряне, й занесе її снігомъ. Въ такимъ случаі и чабані пропадають. Одъ доброго призору чабанського и одъ розумної постановки коша на місці, можна зберегти отару безъ убитку. Зімою на чабаняхъ лежить трудъ великий, а найпаче въ хугу. Хоть хуга яка, а вони мусять

у день двічі привезті сіна волами и нагодувать овець. Зімою жъ, такі, хочъ холодно, та сѣхо. А отъ на провесні, або въ осені, отара кочѣе и де прийдетця, ночѣе; підъ ногами мокро, звѣрху дощъ, нічъ довга, лягті мокро: то вістоїть чабанъ сердега всю нічъ обпѣршись на гирлігу. Скільки разъ воно єму світає! У сі то темні ночі найпаче клятий звірѣ докучає.

Отара на нічъ *тирлѣця*; а кругъ неї *по дулѣяхъ* розміщуютця собакки: добре, якъ найдетця зъ чого поробити *дулѣі*, а нічъ темна хочъ око віколи, то отуть гаспидський звірѣ обманює, и чабана и собакъ: оцѣ зъ одного бѣку отари наткнѣтця одінъ вовкѣ, заманить собакъ за собою, а тутъ де візметця другий, або й скільки вовківъ разомъ кинутця раптомъ міжъ овець, одібьють кушанку, — чабанъ не зѣдрить и коли, бо тільки вівці зполахнѣтця, то отѣ вже кушанка и пропаща: одірвали кляті вовки и всю до шѣнту побьють; ажъ у день схаменѣтця чабанъ, то почне скрізь по степу зберать *партали*.

Пропадали кочові отари й такъ, що якъ поженѣ її вітерѣ зімою въ хѣгу противъ-ночі, та набредѣ надъ морський обривъ височѣнный, пливнѣ переднѣ, то вся отара й пропала, — пішла пливати въ пропасть!...

Бувá въ осені, або ранѣ весною, недобрі люде запалаять степъ. Пужарѣ зъ великимъ вітромъ розійдетця широко, горить страшно, вхібѣтця нікуди, то добрі чабани одпалуютця такъ: зоставивши отару підъ вітромъ, нїзче неї пускають свій пужарѣ, кѣтрый за вітромъ и покѣтитъ дальше. А якъ назáдъ одъ єго прѣтивъ вітру пужарѣ иде на отару тїхо, то чабани й забивають огонь свїтами. Одбивши широке мїсто противъ отари, перегоняють її на пожарище и обходять по єму за вітромъ геть дальше. Настигше перший пужарѣ зза вітру и погорівше до пужарища — гасне, а отара спаслѣся. Якъ-жѣ ледáчі чабани прогавлятця, або не зѣуміють сѣго зробити, то отара згорить. Якъ отару обхвátить димомъ, то вже не поженѣшъ її зъ того мїсця. У насъ по степáхъ бувають трави по поясъ чоловікові, то подѣмайте: який, при сильному вітрі, страшний пужарѣ має бѣти?

Благословитця на весну, сонечко пригриває, щикавиця такъ и лізе изъ землі, а першъ усѣго просерѣнь; затимъ проявляѣтця горіцвігъ. За-квічався степъ, мовъ дівчинка хороша. Далі пішла вся рѣстїна — ростѣ, якъ изъ воді йде: удáривъ чабанъ зімнімъ лихомъ обѣ землю. Овечáта пасѣтця, тільки чутъ якъ хрѣмають; чабанъ, на соняшному пригріві, примостивши голову на кротовину, спить ажъ не тїметця. Мѣхи єму не докучають, бо тоді ще нїякá нѣжа не буває. Дїждáвшись великодня, всю

нічъ протівъ ёго готує гарбачій: чурєки, бурєки, катламу, коржі зъ лó-емъ, крутú кáшу, м'ясó печéне по-волоські зъ шербо́ю. Якъ усé гото́во, хочъ опівночі, почnúть розгівля́тця, бо паску хазяі́нь присила́є до то́го за день, або й за два. Іда́ть та люлькі кúря́ть, ажъ по́ки со́нечко геть під-німетця и ота́ра сама́ ста́не руша́ть зъ ті́рла. Ру́шила ота́ра на па́шу, пішли й чаба́ні за нею, набра́вши на ввесь де́нь: коржі́въ, катла́ми, чурé-ківъ та бурéківъ. Оце́ время са́ме лу́чче для чаба́на. Да́лі наста́гає обкі́ть.

На обкі́ть виби́раєтця мі́сце неда́леко одъ во́ди. Зпе́ршу копа́ютця рі́вці (якъ на кошъ) сту́пнівъ на 30-ть, протя́гомъ одъ півно́чі на по́лу-де́нь. Въ рі́вці ста́новитця ко́мишъ, протя́гаєтця ді́дами—отъ и сті́нка для за́тишку одъ го́ришнёго ві́тра, для мали́хъ ягня́токъ, якъ бу́дуть. Та́кихъ стіно́къ дві, або́ й бі́льшъ тре́ба. Інші́ ро́блять кутко́мъ, або́ виво́дять кру́жкомъ якъ ма́ненький ко́шикъ; ска́зано—якъ ко́му подо́баєтця. Поті́мъ бы́ють сай́аки, изъ че́тёнъ, ро́блять аге́л зъ ро́сколо́мъ; на ё́му роз-би́рають ота́ру: ба́ра́нівъ и вала́хівъ окро́ме въ я́лову, оста́нетця *гросъ*.

Ове́чий спускъ розши́туєтця такъ, що́бъ обкі́ть бу́въ зъ по́ловини кві́т-ня; а якъ вели́кдень пере́ходить въ цей міся́ць, то ска́зана розбо́рка о-ве́ць тра́пляєтця въ кінці́ березозо́ля, що́бъ нева́жко бу́ло на кі́тнихъ ове́ць. Розбо́рка, пока́занна пі́сля вели́кодня, бу́ва тільки въ та́кі го́ди, якъ ве-лі́кдень припа́да въ березозо́лі.

Гросъ тирлу́єтця на ні́чъ неда́леко одъ аге́ла и стіно́къ. Що́ *нако́-титця* за ні́чъ, ра́нкомъ ягня́тка зно́сять чаба́нами до яко́ї небу́дь сті́н-ки, зъ ні́ми їхъ ма́тки (ві́вці). Зібра́ні ві́вці зъ ягня́тками, скі́льки їхъ око́титця за су́тки підъ одні́єю сті́нкою, оста́вля́ютця и при́гляда́ютця чаба́номъ. Ко́лі́ ё та́кі ві́вці, що́ не даю́тця ягня́ті *пляка́тьця*, то заби́вши два сай́га́ки вмі́сті, закла́дають ві́вцю ши́єю підъ їхъ, а сай́га́ки зве́р-ху зв'язу́ють. Ори́штована ві́вця сто́їть по-нево́лі, и ягня́тко пля́каєтця. Та́къ де́ржать її до́ти, по́ки вона ё́го при́йме. Ове́ць вим'я́тихъ відлу́ча́ють въ *я́лову*, а ягня́тко її пля́каєтця чаба́номъ підъ друго́ю ві́вцею мо-ло́шною. Та́ке ягня́тко ино́ді вья́жетця вовня́нимъ по́відцемъ за ні́жку до то́го ягня́ти, підъ яко́ю ма́тірью вони обо́є пля́ка́ютця. Бли́зня́ть, ко́лі́ од-на́ ві́вця не попла́ка обо́хъ, одно́ одберáєтця и при́пускаєтця до мо́лошни-шо́ї ві́вці, и си́хъ ягня́ть беру́ть на по́відецъ такъ якъ пе́ршихъ.

На дру́гі су́тки, кі́тнихъ ягня́ть зно́сять підъ дру́гу сті́нку, и ро́б-ля́ть те́жъ.

На тре́ті—те́жъ са́ме. На четве́рти, осте́рбавші ягня́тка пе́ршихъ су́-токъ, отго́ня́тця зъ ві́вцями на па́шу: оце́ зове́тця *кисі́рь*, а підъ поро́ж-ню сті́нку набе́раєтця зно́въ обкі́ть. На п'я́ти су́тки виго́ня́тця ві́вці зъ

ягн'ятками въ кисірь зпідь другіи стінки, а до неї набераютьця другі накітчата. И такъ воно йде порядкомъ цілий тиждень. Въ кисирі наберётця шматочокъ порядочний. На другий тиждень, кисірь зовётця *сагмало* и одходить дальше одь обкóту; изъ новіхъ накітчатъ тимъ же порядкомъ набераётця другий *кисірь* цілий тиждень. Потімъ знову гонять въ *сагмалъ*, а кисірь вп'ять набераётця. Отакъ ведётця ажъ до кінця обкóту. Тоді чабані заходжуютьця валашатъ ягн'ячі баранчики, и котрі зъ їхъ кращі, оставляють на барани. Наближаётця весняний Миколай. Одбераютъ на росколи овцеъ, першъ ялову: барані и валахи, шматками, и стрежуть. Вістригши, выпускають; наберають другий шматокъ и той вістрижуть; тоді стрижуть матку тожъ шматками, и такимъ способомъ днівъ чрезу кілька вся отара вістрижетця. Стригги приходять стрижаі зъ слобідь. Стрижуть по півторі кошійки одь рунá, на ерібло.

Обкотили отару, постригли; теперъ цитають: старіхъ особе, а ягн'ята особе. Коли кітної вівці було багáто, приміромъ сотъ дванадцять, або п'ятнадцять, то при обкóті не спускають всіхъ въ одинъ *сагмалъ*, а зъ пізнішою половиною роблять другий шматокъ, бо зъ ягн'ятами при доброму обкóті отара більшае двóе, и такій великій *колóді* ходіть буде вáжко, и на ягн'ятокъ незгóдно: ягн'ята вийдуть худі, мвршáві. Для с'его, кажú, и ділятьця на два шматки, прибавляютьця чабані й гарбá. Кінчивши щотъ, чабані набераютьця харчей и йдуть кочувáть. Такъ якъ найдутьця въ шматкахъ вівці такі ще, що котятця після щóту (іхъ бувá малó), то ягн'ята ті зовуть *накітчата*, або *цуръ-неки*.

Отъ еі шматки по обкóті ходять въ розпашъ, якъ мóжна тїхше, щобъ по траві не розгубіть ягн'ятокъ. Тирлуютця на ніч зарáння. На другий день не рушають зъ тірла, поки добре не вгріе сóнце и не опадє росá, бо одъ росі бувáе багáто храмóти. Чабанáмъ на літо даётця вдóволь: добрий дёготь и синій камінь. Якъ проявитця храмóта, або настане нýжа, то вкидаётця червá. Чабані мусять за сїмъ пильнувати: червú витягають джермáлами, засипають равку синімъ каменемъ, и мажуть дёгтемъ, щобъ мýха не сідáла.

Настáло літо, зробілось въ день жарко. Отара цілий день на тірлі недалєко води; ягн'ятка вже геть-то підбілшали. Сóнце на західъ; отара наривáетця на пáшу. Чабані вечеряють, далі справились якъ слідь. Пішла отара; чабані спєреду на крілахъ, лічманъ тожъ посерєдъ колóди, спивняють спєреду: бо сильніші вівці, вистоявши въ день, идуть швидко, зривають тільки вершки зъ траві такъ, що ззáду, котрі вівці слáбіші, а пáче ягн'ятка, не мóжуть пástися, бо поўрмле-

ної трави вівця не їстиме. Співняючи спереду колоду, дають їй розійтись вширь, и якъ розійдетця, такъ що одна одній не мішає пастиись, то вівці и запасуться на місці; тоді лічманъ и чабані, що кричали та свистали спереду співняючи овець, зайдуть ззаду, щобъ підго-внись тільки тихъ овечокъ та ягняттокъ, які дуже одъ шматка зостаютьця. Отуть, на тихімъ уже ході, одинъ чабанъ курвіче собі псню; другий витягъ зза пояса сопілку, висвістує якої зна; третій надівши козу (що грають), перекинувши *гукъ* черезъ плечé, а рогівню взявши въ руки, затинає *штірі вірі сімъ сотъ и чотірі*; якъ чабанъ одіспавъ вівці, то прокинувшись, голосить за ними й пішовъ шукати; ось и забачивъ — далеко замайчили овечата, радіє чабанъ, переверта на веселу пісню; роздивляється, ажъ то старі копіці сіна; упиють затуживъ, виграючі жалібно; ажъ ось и зновъ забачивъ вдалі овець, грає впиють весело, ще й надто; прийшовъ близько, ажъ то пожата въ снопахъ грéчка; заливаєця впиють грець, на козі вигравáє своє лихé гóре; не сподіваетця овець знайти; побачивъ зновъ, щось далеко рябіє; иде, тужить, голову повісивъ и не вірить, щобъ можна було знайти вівці; коли се тїць! піднявъ голову, ажъ передъ нимъ ёго овечата! отоді еритичий синъ зрадивъ! грає до танця и самъ зъ козою танцює, ажъ волоки на ногахъ розплутались, мотляютьця. Отакъ чабані поти втішаютьця, поки отара наїстця добре такъ, що й зъ місця не рúшить. Приходить гарба, отара отирлувалася, зоріє, и чабані посnúли. Підбілось вгóру сонечко, опáла росá, чимчикúє отара до води. Отáру трéба поїть абó ранкомъ, абó вéчеромъ, а не въ день, якъ дуже жарко, бо се на худóбу недóбре: вкинетця хворóба. — Бува́ло, проявятця на отáру хвороба, родъ гарячки, и гине́ дуже, то добрі лічмані поють отáру ніччю, а двéмъ стоять на тїрлі. Напоївши въ ночі, идуть на *пурняло*.

Після Спáса, абó першої Причїстої, одбéраютьця зъ ялової отáри барани, щобъ до спúску поправились. А де не одна отáра въ хазїіна, тамъ барани одбéраютьця зразу після Рїздва, въ мяєсницї, абó въ пієть, та й мають свій окрімний шматокъ до спúску. Передъ спúскомъ отáра щитається; ягнїта вибéраютьця особне на зиму и годúютьця лúчимъ сїномъ. Барани спускаютьця зъ вівцями, чабанáмъ видається на зиму одéжа: сорочки, штани хрящóві, штани їршани, яргакї, свїти, кожúхи й чóботи.

Вдруге дається одéжа весно́ю, по обкóті, на щóті: сорочки й штани хрящóві, а одбéраютьця у чабанів великі кожухи и знóшені чóботи, щобъ до хазя́в (коли добрі) пристáвить пришиви на зиму, а годїщі кожúхи вилатать. Яргакї й свїти зоставляютьця чабанáмъ на все літо.

Втретє даецця: сорочка й штани хрящові, передь Спасомъ, або Причистою. Сириця на постолі даѣтця на всю весну, літо й осінь, а на зіму чоботи,

Барани спускаютьця після Пилипа, щобъ ягнїта котїлись, якъ трава зелєна и тепло бѣде, въ половині квітня. Після спуску баранівъ, оберяютьця місця на коші; косять комїшъ; копають рівці, поки земля немєрзла и строять їхъ такъ, якъ казавъ поцєреду.

Опрїчъ волоськихъ овецъ, у насъ повелїсь и шлєнські. Зъ ними обходимось однаково якъ и зъ волоськими, окрѣме що на баранячому спуску розберяютьця и барани и вівці. Породистїші барани спускаютьця съ породистїшими вівцями, а нїзчий розбѣръ — зъ нїзчимъ. Перєвертні (вїродки) продаютьця, або вирїзуютьця на лий. При обкоті за шлєнкою клошїть бїльшъ; прибавляютьця люди для догляду.

Хѣть отари на цапахъ.

Отара безъ цапівъ якъ дурна. Неможна її повести на греблю, або на роскїль, або де проїти поміжъ нївами тонкою стїгою, якъ москалі ходять. Цапї привїчні до рукъ, знають чабанську мову, якъ їхъ кличуть. Приміръ: отара на тїрлі, або въ роспашъ; вихѣдить лїчманъ впередъ, кличе цапівъ такъ: *Гей цо! балабїй! Цо! цо! балабїй! цо!* — Цапї, дебъ не були, идуть до лїчмана, вівці за цапами. Лїчманъ идє й цапівъ ведє, приказуючи: *Гей цо! балабїй! Цо—ведє кудї їмѣ трѣба.* Отара витягаєтця въ стрѹнку и можна її вести кудї трѣба.

Сїль дають у насъ вівцямъ весною раннєю, мїшають зъ борошномъ, або дертю зъ їрого жита, а якъ нема, то й озїме жїто годїтця. Дають вівцямъ сїль по обкоті, дають въ Спасівку и въ осєні. Сїль сїплють чабани зъ заполівъ стежечками, и якъ нарѣблять стежечокъ доволї, що отара безъ потѣлну мѣже розміститця, тоді тонкимъ гѣлосомъ чабани кричать: *тирѹ, тирѹ, тирѹ, тирѹ:* (якъ на коней). Вівці на сей гѣвіръ такъ и порѣснуть до соли, одно другого спережаючи. Вівці клейнятьця на вѹхахъ: якї бувають клєйна, розкажѹ потїмъ, и зразкї приложѹ.

СВІДОКЪ, СКІЛЬКИ ВЪ ЧОРНОМОРІИ ХУДОБИ, СКІЛЬКИ ЗЕМЛІ Й НАРОДУ
КОЗАЦЬКОГО РОДУ.

Овєць волоськихъ	494,664	} 514,106.
— шлєнськихъ	19,442	
Кїзъ простїхъ	33,510.	

Свиноти 57,979,

Скотіни рогатої, або товару. . . 239,001.

Коней табуннихъ 55,095.

За шіру правду вибачте. Се взято зъ статистики, а статистика и у васъ пішетця, такъ якъ и у васъ.

Замітка. Опрічъ сії худоби, въ Чорноморії ё: буйвалівъ зъ 500 и верблюдівъ до 100.

А оцё вже певно:

Землі доброї 2,229,918 десят. 2,083 саж.

— неудобної 626,077 — 795 —

Всёго 2,855,996 десят. 478 саж.

Народу:

Козаківъ: панівъ, духовёнства и товариства 89,805.

Бабъ, молодіць и дівчатъ 86,288.

А всіхъ 176,093.

ЧАБАНСЬКИЙ СЛОВАРЬ.

Агелъ — кругла кошарка зъ четёнь и сайгаківъ. Збоку четёнь одинъ, одводітця и прихилиетця вшъть на місце, якъ хвртка, щобъ було куді пропустити вівцю. Въ агелъ одбераётця хурда, вибераютьця валахи, чи барани, або ягнята — що треба.

Араші — війя у гарбї, а гарба на двохъ колёсахъ, більшъ — черкеська.

Аръянъ — козине кисле молоко.

Аръяница — барило на тежъ молоко.

Баранникъ — той чабанъ, що пасё баранї.

Барїло — звісно, — вóзитця для водї.

Барзїй, барза — цапъ, або вівця: вся чорна, а грудї білі.

Бликоторя — дїйна коза.

Барнакъ — кривула на гирлізі. Гирайга бува изъ палиці, барнака, пасклина и рїхви.

Буреки — прїсні пирїжки въ лої печенї.

Вакиристий, а — баранъ або вівця, що буде вся біла, а кругомъ очей чорні латки.

Вощана — рудá, зхóжа на жóвтий восковий цвітть.

Вим'ята — вівця зь порченимъ вим'ямъ, що не може плякать ягняти.

Волоки — завязкй, що нйми брѣпитця постіль до ногй.

Верховий — и *горішній* — зовеця сівєровосточний вітеръ (У насъ зь того краю річки течуть).

Гарба — гарба у насъ на двохъ колесахъ висóкихъ; черкеські ні-
кóли не ма́жутця.

Гарбачй — чабанъ, що глядйть гарбй. Вінъ вáрить їсти и чаба-
намъ и собакамъ.

Гайтанъ — поясъ съ цвяхóванимъ гаманóмъ, швайкою, ножémъ и
джерма́лами.

Гакъ — тридцята часть. Було колись лічманй брались плодйть отáру
зь гáку: на годовóму щóті брали тридцáту вівцю одъ хазйина. Тепérъ
сёго не вóдитця.

Гукъ — дúдка у козй, тйй, що грають. Вовá увья́зуетця въ лапу, и
якъ грають на козу, то вінъ гуде́ однімъ гóлосомъ; а ще грімшйй гукъ
гуде́, якъ кінєць ёго устрóмитця въ порóжній глекъ.

Гирлида — пáлиця кóсого сáжня ввишь, съ барнакомъ, пáсклиномъ
и залізно́у рйхвою.

Грунтáля — по́пліть дерезóвий, абó свидóвий по четёну звёрху —
джуто́мъ.

Гросъ — кйтна отáра, абó шматокъ, важкйй.

Дидъ — дідомъ звётця и куль комйшу мйтусь склáдений и переве-
слами повья́занний, и стра́ва-лемішка крута́ зь жйтнёго бóрошна.

Дулей — по́стїлка, абó кубло́ для собаки. Дуле́й мо́статця въ хо-
лодь, абó въ мо́кру осінь, кругóмъ отáри, щóбъ собаки зна́ли сво́є мйсце.

Дйжнйця — побйльше відрá дйжечка. Въ пієть заквáшують тйєто
на кйслі ко́ржі.

Джерма́ла — щйичики, якйми чабани вичйщають червú у овєць,
якъ заведётця въ літку.

Джýлий абó *джýла*, — безвúха вівця. Бува́ така порóда — джу́лй
вівцй.

Джидйря — горля́нка зь легкймъ, пйчинкою и ша́кшею у вівцй.

Загрйва — вівця бйла, а шйворотъ чóрний.

Кунá — посудина для лою.

Куйна́ра — чаба́нська ша́пка.

Кáця — хворостина до́вга, пряма́, на кйнци́ кля́чка привья́зана́; за-

чепівши кацею за вівну, укрічуєтця ключка, и такъ лівця и придєруєтця порєска вівця, що гарлігою піймати її неможна.

Кисірь — окотівшієсь вівці зъ маленькими агнітами.

Курайниця — бичовка, що на гарбі топливо привязуєтця. *Курай* — колючий бур'янъ.

Капкакъ — кришка дерев'яна на казані.

Кійло — трава тїрса; вона жъ и *ковіла*.

Кіска — попліть нижній по четєну знизу кіскою.

Кошъ — зимне пристановище для отари.

Куцанка — малий шматокъ овечать.

Куря — тежъ, що метелиця.

Кульмиць — хвістъ волоської вівці, буває товстїй, поєнъ жиру, важить хунтївъ до 5 й більшъ.

Кульмичуата — дуже хвістъ товстїй у вівці або барана.

Колода — отара якъ идє тїсно, не въ рєспашъ.

Лікъ — щогъ. Чабані до тисячі щитають якъ и слїдъ, а потїмъ кажутъ: дєсять сотъ, одинадцять сотъ, п'ятнадцять сотъ, двадцять сотъ, и дальше.

Низовий вітеръ — югозападний.

Отара — зовєцця отъ 1000 до 1500.

Отирлувать — поставить отару кїпою на місці.

Пурить, пурію — ночний поєасъ отари літомъ.

Пірчунъ — козєлъ молодїй.

Парталь — шматокъ овєчого смїха, одъ вєвчого недїїдка.

Роскілъ — до агєла роблятця кріла изъ четєнъ и сайгаківъ. До того четєна, що одводитця для пропуску вівці, приводитця кріло устєнкомъ, щобъ одвій вівці тїлько пройти булò можна. Отара нагонитця мїжъ кріла въ устєнокъ, и вівці проходять по-одицю. Спосєбно їхъ такъ щитають и виберать якихъ трєба въ агєлъ.

Рігъ — рігъ носять чабані зъ сїнімъ каменємъ, якъ нюхарі табаку.

Ройвня — струмєнтъ, живе у козі тїї що грають и естъ рїжєкъ козийний, насажений на кінєць дїдки для гєлосу.

Садмаль — обкотівшаяся кочовá отара зъ агнітами.

Сайгакъ — кілъ висєкий зъ чоловіка ввїшки.

Стінка — стінка рєбитця зъ комишу для затїшка на обкєті.

Собарний — казанъ, або ялакъ собачий — для собакъ.

Таганъ и тагані — три палиці зъ ключкою, вгорі звязані, кінці въ рєзкєдъ, ставлятця въ зємлю; на ключку чїпляєтця казанъ для варива.

Триніль — цурка зъ затёнами на кінцяхъ, посередініи перев'язана бичовкою. Вона кінцями закладається въ прорізі задніхъ нігъ зарізаной вівці, а за бичовку піднімається тўшка, и привісивши до гарби, білується смухъ и розчиняється тўшка.

Тирло — місце збіте отарою; місце, де кочувала, або стояла, отара.

Тулукъ и *тулукъ* — кулемъ облуплення коза; вона держитця на всипище борошна, або соли.

Урма — пройдений слідъ отари по траві.

Хўда — завірюха.

Хурда — хворі або худі вівці.

Хурдникъ — пригородка въ коші, або окроме зроблення кошарка для хўрди.

Цуръ-нека — накітчата пізні, після весняного щоту.

Цо! цо! — клічка цапівъ.

Цапъ — козёлъ валашаний, або завернутий.

Четёнь — плетена решіткою стінка въ $1\frac{1}{2}$ арш. ширини, а вдовись буваетъ 4, або 5 арш.; хто яку виплете.

Чінець — те, що люде кажуть здіръ, а москаль каже — *сальникъ*.

Шакша — селезёнка у вівці.

Шматокъ — частина отари, сотъ пять, шість.

Ялакъ — корито, собакъ годувать. Воно завжди прив'язане до гарби, такъ и волочиться.

Ярка и *ярога* — торішне агня.

Я. КУХАРЕНКО.

ИСТОРИЧЕСКІЯ АКТЫ.

ПИСЬМА МАЗЕПЫ КЪ ПЕТРУ I.

I.

Пресвѣтлѣйшій державнѣйшій царь государь мой всемилостивѣйшій!

Два премошныя вашего царскаго величества о походѣ военномъ указы, одинъ отъ 18, а другій, собственною вашего жъ царскаго величества рукою, отъ 19 генваря зъ Дзенцоль писанный, купно въ одинъ день, съ нарочнымъ моимъ куріеромъ, воспріалъ я съ покорнѣйшимъ почитаніемъ подданскимъ; которые, раболѣпнѣ по должности моей исполняя, послалъ до всѣхъ полковниковъ ординансы мои, дабы перебравъ половину лутчаго товариства, немедленно зъ домовъ рушали и спѣшно ишли за Кіевъ, где я, усмотривши удобное мѣсто, стану зъ войскомъ, и оглашу для обнадеживанія добрымъ, а для страху непостояннымъ Полякомъ, что съ всѣмъ вашего царскаго величества войскомъ реименту моего Запорожскимъ въ томъ походѣ пребываю, въ который и самъ сего дня пятничного, генваря 30, зъ Батурина рушаю; за неизреченную вашего царскаго величества милость, что, милосердствуя о цѣлости народу своего и краю сего, изволилъ ваше царское величество пожаловать мене 4-мя полками пѣхотными для суккурсу противъ непріятеля, покорнѣ съ доземнымъ подножничимъ поклоненіемъ вашему царскому величеству благодарствую. И гарнизонъ свой Поляки когда до Бѣлой Церкви пришлютъ и до мене съ тымъ отзовутца, невозбранно впушу оный туда до фортецы Бѣлоцерковской, а протчую Украину, по указу вашего царскаго величества, держать буду и не отдамъ ей въ посессію Полякомъ, до воли вашего царскаго величества. При семъ вручаю мя премилосердой вашего царскаго величества милости и призрѣнію, лобызая покорнѣ духомъ монаршую вашего царскаго величества десницу.

вашего царскаго величества

вѣрный подданный

и слуга нижайшій

Иванъ Мазепа гетманъ.

Зъ Батурина, генваря 30.

1708.

II.

Пресвѣтлѣйшій и державнѣйшій царь государь мой всемилостивѣйшій.

По указу вашего царского величества, рушивши я въ походъ военный зъ Батурина и переправивши Днѣпръ, поспѣшилъ до Фастова немедленнымъ маршомъ, где и войска реименту моего, которые могли въ нынѣшнее великое распутіе послѣдователнѣ мнѣ надлежащего себѣ мѣста достыгнуть, около Фастова розставленные пребываютъ, а половина войска, по повеленію вашего царского величества, для лготы своей въ домахъ осталася. Здѣ убо въ Фастови получилъ я отъ господина Синявского, гетмана великого коронного, трыкратное писаніе, въ которыхъ желаетъ, дабы я далечайшимъ походомъ и самъ не турбовался и войска не трудилъ, того ради, что непріятельская вся потенція съ Полщи вишла и маршъ свой до Литвы опредѣлила; токмо въ Великой Полщи около Познаня малая нѣкая партыя оставлена, на которую просить у мене суккурсу 6000 выборного войска туда жъ до Великой Полщи, а мнѣ совѣтуетъ около Бѣлой Церкви стоять, смотря неусипно на поведенія бусурманскіи, ибо получилъ онъ гетманъ (яко до мене самъ пишетъ) будто подлинную отъ зичливыхъ корреспондентовъ вѣдомость, что посель Турецкій, посылаемый до короля Шведского, изъ Станислава общалъ имъ именемъ Порты въ помощь по первой веснѣ 40,000 Турковъ, а 60,000 Орды, и будто и писмомъ тую свою ассекурацію подтвердилъ. Я убо, безъ именного вашего царского величества указу, не зная, якъ тымъ суккурсомъ желаніе его, господина гетмана великого коронного, удовлетворять, ибо если въ такъ далекую сторону 6000 выборного войска пошлю, то подлинно въ нынѣшнее распутіе и крайнюю безкормицу, отъ коней отпадетъ и пѣши поприходить, понеже отъ Днѣпра ажъ до Случи на сей пустинѣ не токмо сѣна, но и соломы невозможно достать, а и отъ Случи до Лвова мало не тое жъ чинитца, для консистенціи войскъ обозовъ коронныхъ. Если убо тотъ суккурсъ до Великой Полщи посылать и якочисло, такожде и мнѣ впредь, тутъ въ Фастови стоя, что съ войсками дѣлать, прошу себѣ покорнѣ на тое монаршего вашего царского величества указу.

Исполняя вѣрнымъ подданскимъ моимъ сердцемъ премошное вашего царского величества повеленіе, приказалъ уже въ сотняхъ Засейскихъ, къ велико-російскимъ городамъ ближайшихъ, зъ городского товариства устроить компанію, которой събралось 750 человекъ, а въ прочіихъ полкахъ не починалъ еще тоей компаніи устроить, для того что едно

войско тутъ при мнѣ, а другое въ домахъ обрѣтается, да во время нынѣшняго состоянія, безъ указу вашего царскаго величества, и не смѣю.

По указу вашего царскаго величества, велѣлъ я для фамиліи господина Окгинскаго, старосты Жмудскаго, въ полку Стародубовскомъ въ городѣ Погари, двори отвести и очистить. При семъ вручаю я премилосердной вашего царскаго величества милости, и его жъ монаршую дешицу зъ доземнымъ поклоненіемъ покорнѣ лобызаю.

вашего царскаго величества

вѣрный подданный

и слуга наинижайшій

Иванъ Мазепа гетманъ.

Зъ Фастова, февруарь 26
року 1708.

III.

(Въ письмѣ къ великому государю гетмана Мазепы, которое прислано съ поручикомъ Ушаковымъ, написано:)

Пресвѣтлѣйшій, державнѣйшій царь, государь мой всемилостивѣйшій.

Душею и сердцемъ въ печале моей обрадовался, когда отъ вашего царскаго величества, всемилостивѣйшаго моего государя, въ собственной препотеннѣйшей грамотѣ милостивое получилъ слово, обнадеживая меня вѣрнаго своего подданного, что ваше царское величество тѣ всѣ враждебныя навѣты вмѣняешь во лжу и клевету. За которое премилосердое вашего царскаго величества призрѣніе, благосердствующее о мнѣ, повергая себя подъ монаршіе вашего царскаго величества стопы и оныя лобызая, покорно благодарствую, съ обѣщаніемъ евангельскимъ непоколебимой моей къ вашему царскому величеству вѣрности подданской, которую до кончины житія моего, хотя и краткого, неврежденно сохраню, а враговъ тѣхъ, клеветущихъ на мя неправду, всячески, при помощи Вышняго, потшуся въ руки взять, съ которыми тако поступлю, какъ меня указъ вашего царскаго величества наставляетъ.

По полученіи еще перваго отъ вашего царскаго величества указу, послалъ я указъ мой до наказнаго полковника Стародубовскаго (понеже совершеннаго полковника Скоропаккого нѣтъ въ дому нѣтъ, но посланъ отъ меня до вашего царскаго величества,) дабы онъ со вѣмъ полкомъ Стародубскимъ шелъ къ Быхову. Токмо видится мнѣ, что лутче и безопаснѣе бѣ было, когда бѣ и Стародубовской и Черниговской порубежныя полки близъ городовъ Малороссійскихъ на границѣ Литовской стапо, ли-

неже тамъ, около Быхова, многіе хоронгви войска Литовскаго приближаютца и волочатся; которые, яко непостоянные, Богъ вѣдаетъ, что думаютъ и съ какимъ намѣреніемъ тамъ собираются, и естлибы оныя, изъясняя сокровенную свою внутри вражду, похотели нечаянное на помянутые регименту моего полки учинить нападеніе, а наши бы ихъ не одолѣли, то надежнее будетъ уступить и припертиса для оборонительного отпору непріателемъ къ своимъ городамъ, гдѣ и я скорѣе бы войскамъ тѣмъ регименту моего подалъ помощь; а за Быховъ далече будетъ суккурсъ посылать. То все премудрому вашего царскаго величества разсмотренію и воли предаю, а самъ и паки до стоупъ монаршихъ главу мою лицеземъ приклоняя, покорно высокодержавную его десницу лобызаю.

Вашего царскаго величества

вѣрный подданный

и слуга наинижайшій

Иванъ Мазепа гетманъ.

Изъ Хвостова.

Марта въ 9 день

1708.

IV.

Пресвѣтлѣйшій державнѣйшій царь, государь мой всемилостивѣйшій.

Еще прежде полученія отъ вашего царскаго величества премошного монаршого указу, якъ скоро провѣдалъ я о бунтовщику Булавину, что близъ Самары на урочищы Вороной въ килкосотномъ числѣ единомыслна своего гултайства обрѣтается, такъ тогожъчасу, по должности уряду моего радительной и непремѣнной къ вашему царскому величеству вѣрности, для промыслу надъ нимъ, ординовалъ туда полкъ Полтавскій и полкъ компаній; о которыхъ зближенію ся къ Самари онъ бунтовщикъ увѣдавъ, снать перестереженный отъ пастѣчниковъ, увойшолъ, оставя самые токмо куренѣ, и невѣдомо куда зъ гултайствомъ своимъ удалился. Однакъ я приказалъ такъ полковникови Полтавскому, яко и Компанійскому, зъ полками ихъ ити до Бѣлгорода въ совокупленіе зъ войсками Великоросейскими и по совѣту и приказу комендіера тамошняго воинскій о поиску того бунтовщика чинити промыслъ. А нынѣ, когда получилъ съ подобающею честію премошный вашего царскаго величества въ высокопочтеннѣйшомъ собственномъ монаршомъ писаніи указъ о посылкѣ тысячнаго числа войска реименту моего подъ комманду господина маіора князя Долгорукова, которому по указу вашего царскаго величества о поиску Булавина дѣло вручено, заразъ послалъ ординансъ мой съ нарочнымъ куріеромъ до вы-

шепомянутых полковников Полтавского и Компанейского, жестоко приказывая о якъ наискорѣйшее зъ полками ихъ поспешеніе до Бѣлагограда, и чтобъ тамъ, повинувся въ всемъ помянутомъ коммендіеру господину маіору, по приказу и совѣту его, вѣрно, радѣтельно и охочо къ прислуге вашему царскому величеству воинскій чинили надъ Булавиномъ промыслъ.

О поведеніяхъ здѣшнихъ доношеніемъ моимъ не утруждаю вашего царского величества, понеже что-когда получу, къ извѣщенію о томъ всемъ до господъ министровъ вашего царского величества всегда пишу, и надѣюсь, что они, по должности своей, о всемъ вашему царскому величеству, о чемъ пишу, доносятъ. Присемъ повергая себе до лица земли должничымъ моимъ поклоненіемъ предъ пресвѣтлымъ вашего царского величества престоломъ, высокодержавную его монаршую десницу покорнѣ духомъ лобызаю.

Вашего царского величества

вѣрный подданный

и слуга наинижайшій

Иванъ Мазепа гетманъ

Зъ Бѣлой Церкви.

Мая 1, року 1708.

V.

Пресвѣтлѣйшій и державнѣйшій царь, государь мой всемилостивѣйшій. Въ самый день тезоименитаго вашего царскаго величества ангела, святаго апостола Петра, воспріяхъ съ должнымъ почитаніемъ благополучнѣ препоицѣйшую вашего жъ царского величества собственную грамоту, съ Санктъ Питербурха, черезъ нарочного куріера, отъ 14 іюня писаную, здѣ въ обозѣ за Бѣлою Церквою въ 70 верстахъ, понеже я по предложенію мнѣ вашего царского величества отъ министра вашего жъ монаршего господина Гаврила Ивановича Головкина указу, рушилъ былъ зъ Бѣлой Церкви въ Полщу ку Волюню, для слученія съ королемъ Августомъ, если бы его до Полци намѣренный и оглашенный приходъ мѣлъ событиса; а нынѣ, по тому жъ вашего царского величества указу, съ общаго воинскаго совѣту, въ писмѣ воспоминаутаго министра господина Головкина предложенѣ, оставя воспріятый къ Полще маршъ, намѣренъ возвратитца по вѣдомостямъ настоящимъ къ Кіеву и тамъ, въ близости Кіева, до указу вашего царского величества стоять. Благопривѣтствую убо вашему царскому величеству покорнымъ сердцемъ, тезоименитаго ангела святаго апостола Петра, каменю соименитаго, желая усердіемъ истиннымъ по данскимъ, дабы тотъ камень вѣри оружіе вашего царского величества

на пораженіе полчищъ непріятельскихъ изострилъ, и горделиваго Шведскаго Голяфа обезглавилъ, а православную вашего царскаго величества августѣйшую монархію непоколебимымъ основаніемъ утвердилъ и во всѣхъ путехъ ваше царское величество сохранялъ, да не когда преткнеша о камень ноги твоя; а яко теперь, Божіею помощію и щастемъ вашего царскаго величества, ординованныи отъ мене полки Полтавскій и Компанѣйскій противъ вора Булавина получили надъ партіею его бунтовничею одоленіе, тако и впредь, за молитвами тезоименитаго вашего царскаго величества ангела, да покорить камень краеугольный сильный въ бранехъ Господь всякаго супостата подъ нозѣ вашего царскаго величества, и всякъ падый на семь каменѣ да сокрушится.

О унятіи Запорожцевъ отъ шатости, Богъ самъ вѣсть, якъ неуспѣхъ стараюсь, труждаюсь и всегда до нихъ пишу, устрашая жестокимъ вашего царскаго величества гнѣвомъ и моею неласкою, а якъ до мене отписуютъ тые, я ихъ отписки, для вѣдома вашему царскому величеству, до двору вашего монаршего посылаю; токмо того у насъ досели не слышно было, чтобъ такое число, съ чтыри тысячи Запорожцевъ, въ слученіе зъ Сѣчи къ тому вору Булавину рушились, и хотя отъ его вора была къ Сѣчи подсылка на писмѣ прелестная, призывающая войско тамошнее въ помощь, которая и возмутила была легкомышленныхъ, обаче нынѣшній кошовый, исправивъ себе въ вѣрности и премѣнившися аки зъ Савла въ Павла, прилежнымъ своимъ стараніемъ пресѣклъ тое возмущеніе и унялъ отъчасти шатость тамошнюю; о чомъ уже я до двору вашего царскаго величества писалъ и списки писма того прелестнаго змѣническаго и отписки запорожской послалъ. И нынѣ я не чаю, чтобъ такъ многое число Запорожцевъ къ проклятому Булавинушло зъ Сѣчи, развѣ кто тайно оттуду зъ гултаевъ пошолъ, а яви не смѣють; токмо наибольшъ туда къ тому вору съ тыхъ своеволцевъ идетъ, котории, въ Сѣчи не пребывая, въ рѣчкахъ на добычахъ рибныхъ зостаючи, кони крадутъ и купцовъ розбиваютъ, яко и теперь недавнимъ временемъ нѣякійсь гултай прозываемый Гречка, бывшій атаманъ Волнянскій, прибравъ къ себѣ единомышленныхъ такихъ же, яко и самъ, гултаевъ зъ городовыхъ, а не зъ Сѣчовыхъ, — многихъ купцевъ Полтавскихъ, зъ Криму зъ товарами возвращающихся, порозбивалъ и ограбилъ, а потомъ подъ Чигириномъ стадо кочское занялъ и въ рѣчки полевые отогналъ; о которыхъ гултаяхъ нынѣшній же кошовый провѣдалъ, велѣлъ ихъ ловить, хотя и не всѣхъ, и того Гречку, по правамъ войсковымъ, приказалъ въ Сѣчи, а другого товарища его, въ Кодакѣ, для постраху повѣсить, прочіихъ же дер-

жить въ крѣпкомъ вязеніи и общается ихъ до мене прислать, для извѣстія, кто въ городахъ зъ единомышленникомъ ихъ обрѣтается, о чомъ и листъ, писанный отъ его кошового до мене, послалъ я ко двору вашего царского величества.

Полковникамъ полтавскому и компанійскому и старшинамъ ихъ извѣстилъ я писаніемъ моимъ о милостивомъ вашего царского величества жалованью, заохочиваю ихъ тымъ къ неленивымъ болшимъ военнымъ подвигамъ и отвагамъ, а и самъ быхъ не ленился противъ того вора Булавина со всѣмъ войскомъ пойти для искорененія и угашенія того внутри огня, если бы указъ вашего царского величества и нынѣшніе случаи, для сохраненія сего края, не удерживали мене. При семъ покорнѣ высокодержавную вашего царского величества десницу лобызая, до стою монаршихъ челомъ бію.

вашего царского величества

вѣрный подданный

и слуга наинижайшій

Иванъ Мазепа гетманъ.

Изъ обозу отъ рѣчки Роски

іюня 30, 1708 року.

VI.

Пресвѣтлѣйшій, державнѣйшій царь, государь мой всемилостивѣйшій.

Собственно-ручный вашего царского величества указъ, получилъ я зъ должнымъ всепокорнымъ подданскимъ почитаніемъ, черезъ курьера моего, сего іюля въ 18 день, который, аки Божіе повеленіе, исполняя и во всемъ оному вѣрнымъ сердцемъ согласуя, буду некосновеннымъ маршомъ, сколько силъ станетъ, поспѣшать съ всѣмъ войскомъ ку Кіеву и уже самымъ дѣломъ, оставя воспріятый, для слученія зъ королемъ Августомъ, ку Полще путь, въ которомъ обрѣтался отъ Случи 10 токмо миль, возвращаюсь простымъ трактомъ на Паволочъ до Кіева, где прибывъ, учрежду тамъ гранизонъ людьми реименту моего, по совѣту князя Дмитрія Голицина, и перебравъ лутчую конницу (хотя у городовыхъ козаковъ мало есть коней добрыхъ, но болшъ худыхъ и до войны не удобныхъ, понеже, якими конми въ домахъ робятъ, тыми, ради нищеты своей, и въ походъ военный идуть), отпущу оную зъ компанією на службу вашего царского величества къ полкамъ великороссійскимъ, для разоренія непріятеля создаи; зъ которою конницею радъ бымъ и я сердечне на службѣ вашего царского величества присутственнѣ zostавать для лут-

чего порядку въ чиненіи диверсій непріятелю, еслибы, при надходящей глыбокой, весьма знемошолой старости, педокгричная и хирокгричная болѣзнь препятствіемъ не была, для которой на кони труда понестъ не могу, и хотя мало верхомъ, милю и другую, проѣду, то того много приболѣть мушу; однако жъ и въ такой немоши и болѣзни не отрѣцалъ бымъ ся служить и услужить, хотя бѣ мнѣ пришло на службу вашего царского величества, при боку вашемъ монаршомъ, лутче нежели где на сторонѣ, и житія пострадать; токмо тое благоразумному вашего царского величества разсужденію предаю, что если я, особою моею гетманскою, оставя Украину, удалюсь, то велими опасаясь, дабы подъ сее время внутренее (отъ чего сохрани Боже) между здешнимъ непостояннымъ и малодушнымъ народомъ не произышло возмущеніе, наипаче когда непріятель, исполняя враждебное свое намѣреніе, похочетъ тайнымъ якимъ нибудь образомъ прелестныя свои листы въ города подсылать; а я зъ здешнихъ не токмо мало, но и никого такъ вѣрнаго не имѣю и усмотрѣть такого коммендіера не могу, который бы сердцемъ и душою, вѣрнѣ и радительнѣ, вашему царскому величеству подъ сей случай служилъ, на подсылки непріятельскіе и на прелести его недримательнѣ смотрилъ, остерегалъ и всячески пресѣкалъ; однако жъ ожидаю въ томъ именного вашего царского величества указу. Нынѣ же, по должности ураду моего и по обыклой непорочной вѣрности, велѣлъ зъ канцеляріи войсковой, во всѣ вашего царского величества реименту моего малороссійскіе города, унѣверсалы выдать, утверждая народъ здешній въ вѣрности ку вашему царскому величеству и повеливая городской старшинѣ, дабы на подсылки непріятельскіе доброе око имѣли, прелестныхъ писемъ и унѣверсаловъ его, еслибы якіе были о провіантахъ, не слухали, оныя презирали, отвращали, страхованій враждебныхъ не ужасались и къ прелестемъ ласкательнымъ не преклонялись, имѣя по Бозѣ надежду въ непреоборимомъ вашего царского величества оружіи. А что впредъ будетъ чинитца (дай Боже все благополучное), о томъ всегда не оставляю писать и доносить вашему царскому величеству, исправляя вся стропотная и сразвращенная въ пути гладкіе, и тако народъ здешній управляя, якъ мнѣ совѣсть христіанская, должность подданская и непорочная къ вашему царскому величеству вѣрность повеливаетъ и наставляетъ а нынѣ симъ моимъ покорнымъ писаніемъ благопривѣтствуя вашему царскому величеству, щастливаго въ армею свою возвращенія, желаю вѣрнымъ сердцемъ, торжественнаго и побѣдительнаго надъ врагами одолѣнія, себе же самого лицеземнымъ поклоне-

ніемъ до стопы ногъ монаршихъ вашего царского величества повергая, высокодержавную его десницу духомъ и истинною лобызаю.

вашего царского величества

вѣрный подданный и

слуга ванижайшій

Иванъ Мазепа гетманъ.

Изъ обозу отъ Асламъ-городка.

Юля 18 дня 1708 року.

VII.

Пресвѣтлѣйшій и державнѣйшій царь, государь мой всемилостивѣйшій.

Сего дня, августа 10, якого съ господиномъ Солововымъ капитанъ порутчикомъ отпавилъ съ городовыхъ полковъ лутчего перебранного войска 4,500, и два полки компаніи 800, товариства въ себѣ заключаючіе, для диверсії неприятелю къ Пропойску, а особно къ Смоленску два полки Переяславскій и Нѣжинскій въ 3,000-мъ числѣ, зъ которого 2,000 доброй пѣхоты, а 1,000 конницы, опредѣлитца и употребитца, получилъ я и съ должною честію воспріалъ черезъ куріера моего премошный собственноручный вашего царского величества указъ о посылкѣ 3000 или 4,000 войска реименту моего въ Полщу къ прежней съ полковниками Кіевскимъ и Бѣлоцерковскимъ ординованой партіи. Тое убо вашего царского величества повеленіе, безъ всякого умедленія исполнить потщуся, токмо покорнѣ вашему царскому величеству съ доземнымъ поклоненіемъ дерзаю доносить, что прочіи реименту моего полки городовыи и компанійскіи въ различные мѣста на службу вашего царского величества розосланы; аименно: Кіевскій съ тамобочными малолюдными полками переборными въ Полщи, Стародубовскій и Чернѣговскій въ Пропойску, Полтавскій съ компанією на Дону, Гадяцкій въ фортецы и при фортецѣ Печерской, а при мнѣ осталось городовыхъ пять полковъ, съ которыхъ два полки, Нѣжинскій и Переяславскій, отправлены къ Смоленску, а полпята тысячи переборного съ тыхъ же пяти полковъ товариства ординовано съ двома полками компаніи до Пропойска; при мнѣ же зъ городовыхъ самыхъ недорослей и на худѣйшихъ лошадахъ осталось 2,800, которыхъ своими очима видѣлъ господинъ Солововъ, да 2,000 сердюковъ и едина короговъ компаніи, кромѣ великороссійскихъ пѣхотныхъ полковъ, въ которыхъ болшъ надъ 2,000 не зберется, яко сами полковники сказываютъ, понеже всѣ полки не полные; и того ради, развѣ полкъ Гадяцкій двотысячный, взявъ съ фортецы Печерской и придавъ къ нему 1000-чу тыхъ недорослей, отправлю вскорѣ до Полщи, ибо разсуждаю, что тотъ полкъ

Гадяцкій, когда буду самъ стоять по указу вашего царского величества при Кіевѣ, не надобенъ будетъ до фортецы Печерской. А до полковниковъ, Кіевского и Бѣлоцерковского, давно уже я послалъ двоихъ знатныхъ особъ и нынѣ посылаю третяго, чтобъ тое войско, по желанію господина Сѣнявского, запровадили якъ найскорѣй къ господину Потѣю, и надѣюсь, что третій мой посланецъ найдетъ тое войско суккурсовое съ воспоминаутымъ господиномъ Потѣемъ въ слученіи. И сіе вашему царскому величеству, всемилостивѣйшему моему царю и государю, при доземномъ поклоненіи, подъ стопы ножные низлагаю, покорнѣ донесши, высокодержавную его жъ монаршую десницу духомъ лобызаю и премилосердому вашего царского величества призрѣнію навсегда себе вручаю.

вашего царского величества

вѣрный подданный

и слуга

наинижайшій

Иванъ Мазепа гетманъ.

Изъ обозу отъ Русанова

августа 10

року 1708.

VIII.

Пресвѣтлѣйшій и державнѣйшій царь, государь мой всемилостивѣйшій.

Высокопочтеннѣйшую вашего царского величества собственноручную грамоту, черезъ нарочного курьера мнѣ врученную, воспріяхъ съ должнымъ гоноромъ, на которую при доземномъ поклоненіи покорнѣ отвѣту: войско конное, съ разныхъ полковъ городскихъ перебраное, по указу вашего царского величества, отправилъ я уже давно съ господиномъ капитаномъ-порутчикомъ Солововымъ къ Пропойску подъ комманду Скоропадского, полковника Стародубовского, придавъ два полка надежной компаніи въ 800-мъ числѣ, о чомъ до вашего царского величества прежде сего пространно я писалъ, и росписи тоей конницы воспоминаутому господину капитанъ-порутчику вручилъ, въ которыхъ именно изображено, коликое число того войска отправлено. Полковника Гадяцкого въ двотысячномъ числѣ полку его козаковъ, взявъ зъ фортецы Печерской и придавъ ему еще тысячу полную недорослей, отправую также, по указу вашего царского величества, къ Полонному, а отгуду велѣлъ ему туда итти, куда случай военный позоветъ и гетманы коронныи повелятъ; и до прежняго войска, подъ коммандою полковниковъ Кіевского и Бѣло-

церковского, въ Полщу ординованого, послалъ третьяго куріера моего, приказывая, дабы безъ всякаго умедленія въ слученіе къ господину Потѣю ишли; о которомъ войску сего дня получилъ вѣдомость, что давно съ тыхъ реку (?) переправило и городъ Луцкъ поминуло и надѣюсь, что до сего времени мѣло случитца зъ господиномъ Потѣемъ.

О себѣ покорнѣ вашему царскому величеству доношу, что, по указу вашего жъ царского величества монаршомъ, воспріалъ походъ отъ Кіева ку Нѣжину, и буду стоять, до воли и указу вашего царского величества, недалече отъ Кіева за одинадцать миль въ срединѣ Украины; токмо подъ нозѣ вашего царского величества главу мою доземнымъ челобитіемъ повергши, покорнѣ прошу такого милосердія и указу, дабы мнѣ повелѣно было два полка, Переяславскій и Нѣжинскій, отправленные къ Смоленску, воспать зъ походу возвратить, зъ которыхъ бымъ могль и гарнизономъ фортецу Печерскую учредить и при себѣ оставить, ибо неслетнѣ, по самой истиннѣ, пишу, что въ малолѣдствіи самъ остался, яко и прежде сего до вашего царского величества писахъ, и господинъ Соловой своими очима видѣлъ; а тое войско, если указъ будетъ возвратить, можетъ куріеръ мой въ маршу постигнуть, ибо тутъ оное мусило черезъ десять день умедлить, пока зъ домовъ козаки зъ борошенными запасами возвратилися, которыхъ, черезъ полгода въ походѣ со мною пребывая, лишилися были, и сего дня получилъ вѣдомость, что тые два воспоминаутые полка пришли уже къ рекѣ Сейму и стали переправлятца.

Въ городахъ всякую опасность къ отпору наступленія непріятельскому (отъ чого Боже сохрани) приказалъ и унѣверсалы мои розослалъ, дабы всюда пашни зѣ поля свозили, молотили и въ ямы хранили, также дабы города укрѣпляли, и до всякой готовности къ защищенію цѣлости своей пребывали, а я особнѣ бодрое око и ухо буду имѣти на предестные непріятельскіе писма, если бы оныхъ была якая подсылка. При семъ себе самаго милосердному вашего царского величества призрабнію и милости монаршой навсегда вручаю и высокодержавную его десницу покорнѣ лобызаю.

вашего царского величества

вѣрный подданный

и слуга наиннижайшій

Иванъ Мазепа гетманъ.

Зѣ обозу отъ Русанова
року 1708. Августа 16 дня.

ПЕРЕДЪ СВІТОМЪ.

(ДУМА.)

Довго, довго не світає...
Утомівся світу ждати,
А все ёго не видати,
И відъ краю и до краю
Ясне небо чорні хмари
Застилають, укривають,
Всі зіроньки поховались...

Розійшлися хмари, и зійшлися —
Загреміло — заблискало,
И зновъ тёмно въ небі стало...
Сумно въ одинікій хаті —
Ні съ кимъ, ні съ кимъ розмовляти...

Чого криють хмари небо?
Нащо зорі наші ясні,
Наші тихі світи, гаснуть...
Якє лихо, якá кара!
Зáщо гинемъ — пропадаемъ?
Чого сонце забарилось,
Людямъ тёмнимъ не посвітить?...

Постій, друже! вже світає;
Сонце хмари розганяє...
Помоліся, друже, Богу
За Україну нашу вбогу,
Щобъ ті хмари не вертались,
Щобъ на світі та при світі
Впростали її діти,
И, якъ братіки, кохались.

Михайло Чайка.